

Своя

журнал
Никиты Михалкова

С ДОНА ДО РЕЙНА ВМИГ ДОЛЕТИМ...

205 лет назад началась
миротворческая
миссия русской армии
в Европе

Г.Э. ОТИЦ. «РУССКИЕ КАЗАКИ В ПАРИЖЕ»

**Они прошли и лед,
и пламень**

Мог ли Кубанский поход повлиять
на итоги Гражданской войны

**Отстояли
и отстроили**

Трудовые будни
Сталинграда—43

Мгновения Славы

Вячеслав Тихонов:
от князя Болконского
до полковника Исаева

ФОТО: А. ГРИНБЕРГ/ГЛАСС

***Е**СТЬ ли на свете другой народ, кроме нас, русских, кто так удивляется, радуется и просто любит жизнь другого, чужого народа, и при этом совершенно молчит о своем или даже бранит. Я теперь только вполне понимаю, отчего это так: русский, восхищаясь другой страной, так выражает смертельную любовь к своей Родине. Он восхищается устройством другой страны, он с внешней стороны делается иностранцем, а внутри сгорает тоской о Родине.*

Михаил Пришвин (1873–1954)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя За вашу и нашу свободу	28–33	Записки охотника Африканские страсти Как Николай Гумилев к сафари пристрастился
3–7	Наука побеждать С Дона до Рейна вмиг долетим...	34–37	Русский авангард Личность в квадрате Кем был на самом деле Казимир Малевич
8–11	Красные и белые Они прошли и лед, и пламень	38–43	Стоп-кадр Мгновения Славы
12–15	Война и мир Отстояли и отстроили	44–47	Ретроспектива Уважаемый редактор, может, лучше про реактор? Сергей Капица и его «Очевидное — невероятное»
16–19	Имена и даты	48	Трапезная При царе горохе
20–23	Литфонд Учитель среди царей К юбилею Василия Жуковского		
24–27	Достояние «Пишу о природе, сам же о людях думаю» В гостях у Михаила Пришвина		

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633, +7 (495) 622-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 0679/18

Тираж 40 155

Подписано в печать 15 января 2018 г.

За вашу и нашу свободу

В режиссерской версии моего фильма «12» есть сцена, где о гражданских правах и свободах рассуждают между собой двое присяжных. Один из них, бывший спецназовец ГРУ, произносит внезапную для собеседника фразу: «Русский человек свободным себя чувствует только в окопе». Чем изрядно веселит персонажа, олицетворяющего в картине «демократические силы». «Свобода в окопе! Ох, если бы вы это на одной из наших конференций лягнули...» — давясь от смеха, восклицает «демократ».

Подозреваю, что на любой из конференций нынешних либералов (бывших «демократов») смеха такие слова не вызвали бы вовсе. Наоборот, фразу приняли бы интерпретировать в свою пользу: мол, «вечные рабы» потому и чувствуют себя на войне относительно комфортно, что все прочее время пребывают в условиях тотальной несвободы.

Есть ли резон возражать, оппонировать? Есть. Однако контраргументы должны быть адресованы не тем, для кого русофобия стала профессией или даже неизлечимой болезнью. Объяснять, чем наша свобода принципиально отличается от экспортируемых в Россию западных образцов, надо в первую очередь думающей, сомневающейся молодежи.

Подлинная, высшая свобода если и имеет отношение к юриспруденции, ко «всеобщей декларации прав человека», то весьма косвенное. Гораздо ближе она к тому, что непосредственно связано с духом и душой. Самые свободные люди на земле, по моему убеждению, — праведники и герои-воины. Одни отрешаются от суетного мира ради жизни вечной. Вторые добровольно рискуют (а зачастую и жертвуют) собой, отдавая долг Родине.

И те, и другие нам как бы подсказывают: вот за что нужно бороться, вот для чего стоит жить (помните, у Ивана Ильина: «Жить надо ради того, за что можно умереть»?)

Главное — довести до каждого: русский человек в окопе, на передовой, защищает наши с вами свободы. С одной стороны, от кровожадных фанатиков, мечтающих насадить по всей планете свою якобы единственную праведную веру. С другой — от тех, кто стремится навязать нам деградантские представления о праве и морали, о нулевой ценности вековых традиций и особой важности самовыражения «меньшинств», о «мультикультурализме» и целесообразности изъятия из родного языка слов «мать», «отец», «мужчина», «женщина»...

Из всех виденных мной в прошлом году картин российской действительности, пожалуй, наиболее отчетливо запомнился главный Парад Победы и то, как свободно и в то же время торжественно осенил себя крестным знамением, въезжая на Красную площадь, министр обороны Сергей Шойгу. Это был для меня очень добрый знак.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, written in a cursive style.

С Дона до Рейна ВМИГ ДОЛЕТИМ...

А. ОРЛОВСКИЙ. «ПОРТРЕТ М.И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО». 1813

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Отечественная война, которую Россия в начале XIX века вела против французов, по большому счету завершилась не на этапе освобождения страны от интервентов, а в момент взятия их столицы. Капитуляция противника — вот главный победный аккорд великого противостояния. Так или иначе, 205 лет назад наше государство оказалось перед развилкой: враг изгнан за пределы империи, что дальше? В усмирении Наполеона мало кто верил. Однако войну можно продолжать по-разному. Большинство генералов и сановников склонялись к тому, что стране и армии необходима передышка.

Евгений Алдонин

РАНЕЕ, в самые грозные дни кампании, Александр I дал обет, что «не положит оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в его царстве». К Рождеству Христову армию захватчиков выдворили из страны, и Михаил Кутузов поспешил напомнить самодержцу: клятва исполнена. Но у императора к тому времени появились еще более амбициозные намерения.

Обманчивая тишина

«Великий человек» (данный эпитет тогда не нуждался в пояснениях) не считал себя победенным. Во всех бедах винил суровый климат, бездорожье, варварство партизан и казаков. Да, он не сумел одолеть русских расстояний, перезимовать в Златоглавой и дожидаться подкрепления, но продолжал верить: отдана инициатива, а не вся партия. Вернувшись в Париж, итог похода комментировал так: «Мы держали Москву, мы преодолели каждое препятствие; даже пожар не смог помешать нам. Но зимние холода заставили мою армию перенести страшные лишения: всего за несколько ночей я увидел, что все изменилось, наши потери были ужасны; моя душа была бы разбита, если бы при таких обстоятельствах я был бы способен на другие чувства, кроме защиты интересов моего народа». Это — слова человека, готового к реваншу.

Вокруг Наполеона снова сплывалась многотысячная армия. Еще пребывая в России, он приказал досрочно организовать призыв 1813 года, и теперь под началом Бонапарта во Францию находилось около 140 000 новобранцев.

Арман де Коленкур писал о тех днях: «Все организовывалось, все создавалось как бы по волшебству. Миллионы собственной казны императора и особого фонда были извлечены из погребов Тюильри и заимообразно предоставлены государственному казначейству». «Великого человека» угнетало то, что на Востоке он потерял кавалерию. Русская армия

«Довершить поражение неприятеля на собственных полях его»

контролировала прусские конные заводы, и австрийцы отказывались продавать французам лошадей. Их нехватка не раз скажется в последующих баталиях. И тем не менее уже в апреле Наполеон присоединился к почти 200-тысячной армии, с тем чтобы восстановить вассалитет германских государств. Его подданные не скрывали восторга, наблюдая за тем, как оживился и даже помолодел император.

Он все еще стремился к созданию объединенной Европы с собственной гегемонией.

В нашей армии все понимали: 1813 год не будет мирным. И все-таки надеялись, что самые тяжелые дни войны остались позади. Общие настроения были как в известной казачьей песне тех времен:

Русским знакома к славе дорога,
С Дона до Рейна вмиг долетим...

(Этот путь пришлось проделать как раз в 1813-м. Проскакали до Рейна и впрямь на удивление скоро.)

После рождественских праздников в прифронтовых областях наступила обманчивая тишина. Силы сражавшихся сторон иссякли. Петербург праздновал победу, по всей державе звучали здравицы в честь воинов-триумфаторов. Соотечественники не сомневались, что война окончена, нашествие двенадцати языков отражено, Родина спасена. Действительно, речь больше не шла о том, «быть России иль не быть». Однако эпоха наполеоновских войн, которые длились уже почти полтора десятилетия, продолжалась.

Новоявленный князь Смоленский к тому времени без малого полвека провел в учениях, походах и переговорах. Ни в ратных, ни в дипломатических делах для Голенищева-Кутузова секретов не было. Он лучше других понимал, что главная опасность для любой армии в подобной ситуации — это болезни и дезертирство. Если удастся уберечься от сих напастей, то можно побеждать и без генеральных сражений. Главнокомандующий пытался наладить снабжение войск и обучить новобранцев.

Иногда его представляют яростным противником европейского похода. Есть на этот счет и конспирологическая версия: Кутузов был масон, в окружении Бонапарта вольных каменщиков тоже хватало; потому русский «брат» и обеспечил корсиканцу свободный коридор из Москвы в Париж, а после не хотел добивать. Любители сенсаций не учитывают, что франк-масоны дрались с обеих сторон, война от этого менее жестокой не стала.

И все же расхождения между Кутузовым и Александром I имелись. Старый Лис Севера, как иногда называли Михаила Илларионовича, повидал уже немало всяческих коалиций и не терпел союзников, которые привыкли загребать жар русскими руками. Для царя вопрос стоял иначе: Бонапарта надо уничтожить как можно скорее. С препятствиями наш монарх особо не считался.

Кутузов собирался драться неторопливо, малой кровью, принуждая противника к ошибкам. Как-то он бросил одному генералу: «Ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдет на дно моря, я не охну». И за Германию проливать кровь соплеменников Кутузов не желал. Академик Евгений Тарле интерпретировал логику фельдмаршала следующим образом: «Русский народ отстоял себя, победил непобедимого, добыл себе бессмертную славу. Зачем освобождать и усиливать этим англичан и немцев, соседей, а потому возможных опасных врагов в будущем?» Сомневался в необходимости скоропалительного заграничного похода и вице-адмирал Александр Шишков, государственный секретарь, ближайший советник государя в 1812-м.

Не исключено, что Кутузов являлся сторонником секретных переговоров с Наполеоном. Российская империя могла получить герцогство Варшавское и даже Босфор с Дарданеллами и оставить Бонапарта наедине с остальной Европой, наблюдая за сражениями с высокого холма. Однако Александр I не простил французам нашествия и не нашел возможным отказаться от продолжения войны, повел армию на Запад, провозгласив: «Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся до-

вершить поражение неприятеля на собственных полях его». Первый же его приказ отличался сугубым гуманизмом: «Не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница вышнего праведно отметила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружались противу России».

Под сапогами бородинских ветеранов, помнивших, как бесчинствовали на их Родине ведомые Наполеоном поляки, уже хлюпала земля шляхтичей. То есть причин для мщенья хватало, однако русская армия продвигалась к Варшаве и Кракову, не прибегая к «захвату трофеев».

Хитрость города берет

Поход ничуть не напоминал увеселительную прогулку. В феврале в Польше и Германии погода благоприятствовала тому, что стало возможно не только маневрировать, но и сражаться. Начались бои. Висленскую линию обороны наша армия преодолела лихо. 8 февраля рус-

ский авангард вошел в Варшаву. Ее должны были оборонять австрийские части, верные Наполеону, но те предпочли отступление. Ключи от польской столицы достались без кровопролития. На это и рассчитывал Кутузов, верный своему принципу: брать то, что само идет в руки, а с остальным не спешить.

«Не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата... Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем»

А биться было с кем и в отсутствие Бонапарта. 60-тысячный французский корпус под командованием его пасынка Евгения Богарне обосновался на Эльбе. Представляли угрозу действовавшие в окрестностях герцогства Варшавского польские, австрийские и саксонские части.

Успех приносили неожиданные рыбки — «поиски». В феврале наш авангард под командованием Фердинанда Винцингероде разгромил под Калишем саксонский корпус испытанного наполеоновского ге-

нерала Жан-Луи Ренье. От этого воинского формирования мало что осталось: саксонцы потеряли 3000 человек убитыми и ранеными. Как и другие германцы, они хорошо усвоили, что лучше дружить с русскими, чем проливать кровь за императора французов.

Калиш стал базовым городом, из него наши летучие отряды при поддержке пруссаков совершали рейды по Германии. Армия остановилась на западных границах Варшавского герцогства почти на месяц. Кутузов полагал, что пришло время для очередной передышки, переговоров и политических решений. К радости фельдмаршала (и во многом его стараниями), Россия и Пруссия подписали Калишский союзный договор, по которому обе державы обязывались не заключать сепаратных соглашений с Францией. Предполагалось восстановление королевства в границах 1806 года — для его правителя Фридриха Вильгельма III это являлось важнейшим условием. Кроме того, все германские монархии должны были получить после войны независимость.

Договор ко многому обязывал прежде всего немцев. И они, переборов страх перед Наполеоном, решились снова скрестить штыки с его солдатами. К началу марта благодаря мобилизации прусская армия насчитывала уже 120 000

человек. Взыскательного Кутузова не вполне устраивал уровень их подготовки, зато его радовали народные настроения: власть французов оскорбляла германское самолюбие. В одном из писем дочери наш полководец рассуждал: «Весь немецкий народ за нас, даже саксонцы. Немецкие государи не в силах больше остановить это движение. Им остается только примкнуть к нему». Но тревожило, что война может принять авантюрный характер. Михаил Илларионович откровенничал со старым боевым товарищем, генералом Петром Витгенштейном: «Я не спорю, что очень полезно было бы захватить более пространства в Германии, и тем ободрить и поднять народ. Но польза сия будет ли равна опасности, которая нам предстанет от последственного нашего ослабления, имеющего произойти от того, что по мере отдаления нашего неприятель станет усиливаться? Потому полагаю необходимым идти отнюдь не далее р. Эльстер, которая есть черта самая крайняя: это последнее не относится до партизанов... Этот образ войны должен перемениться чрез некоторое время, и перемена сия последует с приближением наших резервов. Будущие обстоятельства развяжут нас, может быть, и более».

Действительно, что может быть лучше — стоять на берегу Эльбы, получать из России пополнения, тревожить неприятеля кавалерийскими рейдами и ждать, пока союзники сформируют боеспособную армию и начнут сражаться всерьез. Кружившие по германским дорогам казаки перехватывали посыльных с важной корреспонденцией, брали пленных и не давали врагам спокойно заготавливать фураж, создавали у них постоянное ощущение, что вот-вот они попадут в окружение.

Партизанские успехи русских впечатляли. Отряд генерала Александра Бенкендорфа в районе Мюнхенберга неожиданно атаковал

колонну, шедшую из Франкфурта к Берлину. Это были итальянские кавалеристы, верные Наполеону, которые должны были поддержать французов, удерживающих прусскую столицу.

4 марта летучие отряды Александра Чернышева вошли в Берлин. Операция прошла бескровно: французский гарнизон заблаговременно оставил город. Доблестному вояке предоставили возможность отличиться не только потому, что он был любимцем императора. В 1760 году, во время Семилетней войны, столицу Фридриха Великого взяли штурмом войска Захара Чернышева, родственника кутузовского генерала.

За что сражались?

Так завершился победный для России пролог Заграничного похода. В Силезии, по дороге в Дрезден, простудился Кутузов. Сердце не выдержало недуга, армия потеряла главнокомандующего. Без него станет труднее, но русское войско не повернет назад.

За что сражались герои Бородина в Европах? Пока Наполеон мечтал о мировой гегемонии, наше государство не могло чувствовать себя в безопасности.

Второй веский довод: требовалось помочь союзникам и попы-

таться установить в Старом Свете справедливый порядок. В отсутствие Кутузова полководцам не удалось склонить государя к более осмотрительной и осторожной тактике. Без многоопытного фельдмаршала империя воевала расточительно.

И в ратных событиях 1813 года, и в решающей кампании 1814-го в каждом генеральном сражении главный удар принимали на себя русские части. А вот о назначении нового главнокомандующего Александр I, по сути, не позаботился. Словно придерживал в узде мировую славу Витгенштейна, Барклая, Милорадовича, Ермолова. Но они завоевывали ее доблестью и упорством. Как и простой русский боец, который показал себя самым умелым, терпеливым и великодушным, не спасовал перед долгими, полными опасностей и лишений переходами, был непобедим в штыковой схватке и благороден с обывателями — в полном соответствии с суворовским принципом: «Солдат — не разбойник».

В Германии на одном из посвященных нашим бойцам памятников 1813 года написано: «Салют усопшим, которые жизнью своей дали народам освобождение. Господь, благослови их прах. И ты, проходящий, пожелай им покоя».

В. ВУЛЛЕВАЛЬДЕ. «ГЕЙБ-ГВАРДИИ КОННЫЙ ПОЛК В НЕМЕЦКОМ ГОРОДКЕ»

Красные и белые

В. КИРЕЕВ. «ЛЕДЯНОЙ ПОХОД — СКВОЗЬ ВРЕМЕНА». 2017

Они прошли и лед, и пламень

Валерий Шамбаров

Отмечаемый в конце календарной зимы День защитника Отечества — праздник важный и нужный. Он освящен победами русского оружия над врагами Родины и даже самим фактом существования великой России как таковой. Но нельзя забывать и о других, по-иному «окрашенных», страницах ее летописи XX века. Сто лет назад, в феврале 1918-го, свой самый знаменитый поход начало белое воинство — те, кто категорически не желал мириться с властью большевиков...

В центре сопротивления

Хаос «демократизации» так развалил империю, что смену лиц и партий у руля государства многие воспринимали тогда скептически, как кратковременное торжество очередных проходимцев. О Временном правительстве в октябре 1917-го (и даже много позже) никто не сожалел. Охотников защищать его не было, кроме разве что наивных мальчишек-юнкеров, героически

погибавших втуне. Ситуацией на окраинах бывшей империи попытались воспользоваться такие же, как и большевики, самозванцы — украинские, закавказские националисты и прочий подобный элемент. В некоторых регионах местные органы управления узурпаторов не признали. Самым крупным из таких центров сопротивления стал Дон.

Атаман Алексей Каледин и его правительство объявили, что временно принимают в своей области всю полноту государственной власти. Под их защиту потянулись политические и общественные деятели, военные. Михаил Алексеев бросил клич собираться добровольцам. Приехали генералы Лавр Корнилов, Антон Деникин, Иван Романовский, Сергей Марков, Александр Лукомский, еще летом 1917-го требовавшие оздоровить обстановку в стране и за это объявленные Керенским «мятежниками». Большой и богатый Ростов стал базой для формирования Добровольческой армии.

Однако общий раздрай сказался и на Дону. «Демократично» настроенная часть Войскового круга начала борьбу с собственным атаманом. Казачьи полки отказывались выполнять приказы, расходились по домам. Распространялся свой «большевизм» с призывами отменить службу, переделит землю и хозяйствовать самим по себе. Другие просто находили благоразумным выждать, чья возьмет. Такие настроения царили не только среди казаков. В Ростове было 16 000 офицеров, но в Добровольческую армию записывались поначалу единицы.

Между тем большевики стали проявлять свое истинное лицо: начали переговоры с немцами о сепаратном мире, разогнали Учредительное собрание, валом пошли декреты о национализациях, реквизициях, отделении церкви от государства и тому подобные. Очаги сопротивления подавлялись.

Многочисленные красные контингенты двинулись на Дон, к ним присоединилась и часть казаков. А противостояли им по-прежнему отряды в несколько сотен, а то и десятков штыков. Кое-как сдерживали наступление, но изнемогали, редели в боях. К февралю 1918 года стало ясно: обороняться далее невозможно. Каледин застрелился.

Идем за синей птицей

Ростов был уже окружен. Оставался единственный открытый коридор, и Корнилов решил уходить. 22 февраля Белая армия выступила в поход, который позже будет назван Первым Кубанским, или «Ледяным». По льду же переправились через Дон и двинулись на восток. Корнилов шел пешком с солдатским мешком за плечами.

В повозках везли раненых. Присоединилось множество нестроевых. Вязли в снегу городские дамы, понуро брели старики. В бесконечной ленте обозов и беженцев затерялись немногочисленные воинские колонны — офицеры, юнкера, студенты. Изначально цель была единственная — спасти армию, не дать себя уничтожить.

Остановились в станице Ольгинской. Здесь избавились от гражданских, им было приказано расходиться и укрываться по станицам. Боевого состава насчитали четыре тысячи человек. Корнилов свел мелкие отрядики в несколько частей: Офицерский, Корниловский, Партизанский полки, Юнкерский и Чехословацкий батальоны, два дивизиона кавалерии и артдивизион с 10 орудиями. Относительно дальнейших планов возникли разногласия. Алексеев, Деникин, Романовский предлагали идти на Кубань. Та еще держалась, вместе с ее казаками можно было продолжать борьбу.

Появился походный атаман Петр Попов. Из обреченного Новочеркасска он увел 1600 казаков с пятью орудиями. Намеревался идти

Л. Корнилов принимает смотр юнкеров. 1917

Гаубичная батарея Добровольческой армии на станции Лозовая

в Сальские степи (там были зимовники с запасами продовольствия и фуража), вести оттуда партизанскую войну. Для него выбора не было: казаки за пределы донских земель идти не желали. Корнилов решил объединиться с ними, приказал выступить на восток. Однако разведка доложила: на зимовниках мало жилых помещений, топлива. Армию пришлось бы распылять по подразделениям. А красные уже нащупали ее дислокацию, могли зажать с разных сторон, взять в блокаду. В результате повернули на юг, на Кубань.

Деникин писал: «Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все в области духа и творимого подвига. Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят «светоч», слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, — те, кто пока еще не проснулись». Командир Офицерского полка генерал Марков выразился проще: «Не спрашивайте меня, господи, куда и зачем мы идем, а то все равно скажу, что идем к черту за синей птицей».

На Кубани скопилась масса неприятельских войск. Большевики агитировали солдат, возвра-

щавшихся с Кавказского фронта, матросов Черноморского флота, тамошних казаков. Одних соблазняли лозунгами, других — возможностью пограбить. У красных командующих Алексея Автономова, Ивана Сорокина, Рудольфа Сиверса собирались войска в десятки тысяч штыков и сабель, было много артиллерии, снарядов, патронов — на Северном Кавказе они захватили большие склады.

Одна армия, один командующий

Начиная с села Лежанки частям Корнилова приходилось продвигаться с непрерывными боями. В каждом столкновении красные численно превосходили в шесть-десять раз, но решительного натиска не выдерживали и стоять на смерть не считали нужным. А для Добровольческой армии каждый бой был вопросом жизни и смерти. Проиграть означало погибнуть. И они побеждали, опрокидывая заслоны, перекрывавшие путь.

Атаковали первыми. Поднималась цепь, где в качестве рывковых нередко оказывались плечом к плечу полковники и юнкера, генштабисты и студенты. Их орудия били

редко, но прицельно, берегли драгоценные снаряды. Один или два отряда смыкались в кулак, прорывали позиции неприятеля на флангах, и тот бежал.

В марте, взяв станцию Выселки, получили сообщение: Екатеринодар, куда направлялись добровольцы, уже пал. Кубанский атаман Александр Филимонов со своим правительством и армия генерала Виктора Покровского оставили город, отступили куда-то к горам. Сперва этому не поверили. Но когда с жестокими боями овладели Кореновской, слухи подтвердились.

Корнилов повернул на юго-восток. Решил уйти в горные станицы, отдохнуть там, пополнить все необходимое, выждать более благоприятной ситуации. Он не знал, что кубанские отряды Покровского, заслышав о приближении добровольцев, вернулись и попробовали отбить Екатеринодар (безуспешно). Лавр Георгиевич в это время удалялся от них к Усть-Лабинской. Его бойцы сумели быстрой атакой захватить мост, переправились на другой берег Кубани. Но попали из огня да в полымя. Здешние станицы оказались пробольшевицкими. Отовсюду нападали, обстрели-

вали. Автономов с Сорокиным стягивали силы. При переправе через Белую добровольцев окружили. Лишь благодаря отчаянному контрудару удалось вырваться в горы, в селения дружественных адыгов.

В это время Покровский со своим отрядом тоже попал в окружение, уже считал, что все пропало. Корниловская кавалерия помогла казакам выбраться из кольца. При встрече кубанский атаман со товарищи пробовали было вести переговоры о своей самостоятельности, но Корнилов отрезал: «Одна армия, и один командующий». Войско объединилось, выросло, и было решено брать Екатеринодар.

Казалось, даже погода ополчилась на белогвардейцев. Лил непрерывный дождь, все вокруг превратилось в море грязи, одежда промокла насквозь. Потом ударил 20-градусный мороз с метелью. Люди покрывались ледяной коркой. Станицу Ново-Дмитриевскую, забитую красными частями, наметили штурмовать с нескольких сторон. Но основные силы застряли на переправе через речку, покрывшуюся льдом. Авангард, Офицерский полк, оказался у станицы один. Марков решил: «Вот что, ребята. В такую ночь без крыши все тут передохнем в поле. Идем в станицу!» Бросились в штыки. Большевики не ожидали нападения в такую погоду (грелись по домам), и их вышибли. Именно этот марш к Ново-Дмитриевской нарекли «Ледяным» походом. Позже название распространилось на весь Первый Кубанский.

Захватив паромную переправу, белые форсировали Кубань, и Корнилов начал штурм местной столицы. В городе скопилось 20 000 красных, и у них было очень много артиллерии. На добровольцев обрушился шквал снарядов. Сумели зацепиться за окраины, один батальон даже дошел до центра Екатеринодара. Корниловцы отчаянно бились, но скоро выдохлись. Потеряли 400 человек убитыми, 1500 ранеными. На 14 апреля командующий назначил новую атаку, хотел сам ее возглавить. Однако накануне неприятельский снаряд попал в домик его штаба, Лавр Георгиевич погиб. Это стало тяжелым потрясением для всего войска.

Поворачивай к Дону

Армию принял Деникин. Оценив состояние подразделений, штурм он отменил. Решил спасти остатки белых полков. После захода солнца снялись с позиций. Теперь определенной цели уже не было, стремились выйти из-под ударов. Долгое время это не удавалось. Красные, бросившиеся в погоню, брали в кольцо, заняли железную дорогу на пути добровольцев. Прорываться наметили возле станции Медведковской. Снова отличился Марков. Бросился навстречу большевистскому бронепоезду, ругался, кричал: «Своих подавишь!» Растерявшийся машинист затормозил, и генерал бросил в кабину гранату. Из окружения выбрались.

Деникин повел армию по станицам, хитро маневрировал. Выступал вечером в одну сторону, а под покровом темноты резко поворачивал. Объявлял в населенном пункте дальнейший маршрут, который оказывался ложным. Когда советские газеты писали о «разгроме и ликвидации белогвардейских банд, рассеянных по Северному Кавказу», добровольцы оторвались от противника и вышли опять к границам Дона. Обстановка успела измениться. После большевистских грабежей и расстрелов донские казаки восстали. Ширилась жестокая драка с советскими частями, брошенными подавлять мятежи.

Повстанцы встретили разведку Деникина, сообщили: «Задонские станицы бьют челом Добровольческой армии, просят забыть старое и поскорее прийти на помощь». Просьба была услышана. На Пасху выбрали красных из Егорлыкской и соседних станиц. Антон Иванович вспоминал: «Въезжаем на площадь. Светится ярко храм. Полон народа. Радость светлого праздника соединилась сегодня с избавлением от «нашествия», с воскресением надежд. Радостно гудят колокола, радостно шумит вся церковь в ответ на всеблагую весть: «Воистину воскрес!».

Тут они наконец-то сумели остановиться на отдых. Первый Кубанский поход длился 80 дней, из них 44 — с боями. Армия прошла свыше 1100 км. Выступило в поход четыре тысячи человек, вернулось — пять тысяч. Это было уже качественно обновленное войско, спаянное в огне, сильное духом, уверенное в себе. «Ледяной» поход стал героической легендой Белого движения. Впоследствии для первоходников учредили особый знак, ценившийся очень высоко, — меч в терновом венце на Георгиевской ленте.

Цели — удержать Кубань, овладеть Екатеринодаром — выполнены не были. Но усилия нельзя считать напрасными. События зимы-весны 1918-го показали: побеждать большевиков вполне можно, даже если они значительно превосходят числом. Явственно прозвучал на всю страну призыв к борьбе. Сказано новое слово и в военной науке: впервые была применена тактика рейдов по территории, занятой противником, боевых действий в непрерывном движении. В Великую Отечественную этим будут пользоваться партизанские соединения Ковпака, Вершигоры, Федорова, Козлова и другие.

Есть еще один важный аспект относительного успеха первоходников. В их рядах объединились люди совершенно разных политических взглядов: монархисты, либералы, демократы. Не получая помощи ниоткуда и не рассчитывая на нее, надеялись лишь друг на друга. Забывали о разногласиях, были просто «за Россию». В их лице как бы возродился на короткое время осколок той державы, какой она была до Февраля 1917-го.

Отстояли и отстроили

Ольга Жукова, кандидат исторических наук

В конце минувшего года в СМИ и соцсетях бушевала буря по поводу выступления в бундестаге российского школьника. Юноша назвал немцев, которые были окружены Советской армией в Сталинградском котле, «невинно погибшими» и выразил огорчение, что могилы тех, кто якобы хотел жить мирно, содержатся в ненадлежащем виде.

В РЯД ли парень из Нового Уренгоя наговорил бы столько «несуразностей», если бы при подготовке речи хотя бы в общих чертах ознакомился с фактами, рассказывающими о событиях того времени, почитал бы, к примеру, мемуары военврача Отто Рюле. Их автор честно признался, что захотел «жить мирно» лишь тогда, когда оказался в том самом котле. А еще поведал о человечности, проявленной советскими людьми: солдаты-конвоиры не подпускали к колонне военнопленных разгневанных местных жителей; наши медики, зачастую женщины, не гнушались оказывать вчерашним врагам, поначалу истощенным, завшивленным, грязным, необходимую помощь; повара выдавали фрицам продуктовые пайки, которые подчас оказывались лучше, нежели то, чем питались русские. Город-герой был освобожден от захватчиков 75 лет назад, в феврале 1943 года.

«Сентиментальная» история

«Когда мы были в Красноармейске, — вспоминал немецкий офицер, — разнесся слух, будто оставшиеся в живых солдаты и офицеры 6-й армии должны будут полностью восстановить в Сталинграде разрушенные нами заводы, жилые дома, театры, магазины — короче говоря, весь город!.. Наша пропаганда всегда кричала о том, что всех пленных ждет выстрел в спину. Еще

находясь в котле, я не верил этому. А вот в то, что победители заставят нас как следует работать, я верил. Я даже сомневался, что мы когда-нибудь попадем на родину. Ведь война унесла у русских миллионы людей, а десятки больших городов лежали в развалинах, как и Сталинград. И если нас, военнопленных, заставят все восстанавливать, это будет не легко и долго».

Через четыре года, в 1947-м, героический город посетили гости из Америки — будущий лауреат Нобелевской премии Джон Стейнбек и фотограф Роберт Капа. Собственные впечатления от путешествия по СССР они изложили в книге «Русский дневник», там, в частности, есть такой фрагмент: «Было внесено предложение — перенести город вниз или вверх по реке, не пытаясь даже восстановить его, поскольку расчистка территории потребовала бы огромного труда. Дешевле и легче было бы начать с нуля. Но... существовало твердое мнение, что восстановить Сталинград надо на старом месте по причинам чисто сентиментальным».

«Сентиментальные» — русские приступили к фактическому воссозданию города сразу же после того, как в нем отгремели последние канонады. Причины этого были связаны не только с эмоциями. Предстояли битва за Кавказ, Орловско-Курская дуга, величайшее танковое сражение под Прохоровкой, освобождение Белоруссии и Украины, снятие блокады Ленинграда, выход на границы СССР, избавление от фашизма стран Восточной Европы и, наконец, взятие Берлина. А военная продукция «индустриального сердца Поволжья» с его заводами-гигантами — Сталинградским тракторным, металлургическим «Красным Октябрем», машиностроительным («Баррикады») и другими — оставалась жизненно необходимой сражающейся стране.

В феврале 1943 года председатель уличного комитета, 30-летняя Александра Черкасова вместе с другими женщинами начали расчищать завалы, приводить в порядок уцелевшие дома, чтобы разместить в них детей и стариков, ютящихся в подвалах и

землянках. Бригада Александры Максимовны делает это еще до выхода постановления ГКО «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Сталинграда и Сталинградской области, разрушенных немецкими оккупантами».

Кстати, о «сентиментах». Из немецких шинелей измученные лихолетьем женщины шили себе «модные тапочки» и «лакировали» их сахарным сиропом. Вечерами, после тяжелого трудового дня, переодевшись из пыльной рабочей одежды в довоенные платья, бежали на танцы под патефон.

13 июня девятнадцать горожанок с бригадиром Черкасовой выходят восстанавливать легендарный «дом Павлова». После работы устраивают митинг, призывают поддержать почин. Благодаря выступлению по радио, интервью в газетах клич был услышан. Так началось Черкасовское движение. В начертанный на стенах зданий лозунг «Мы отстоим тебя, Сталинград!» вносится поправка мирного времени: «Мы отстроим тебя, родной Сталинград!».

21 августа выходит постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б), требующее «считать неотложной задачей партийных и советских организаций Курской, Орловской, Воронежской, Калининской, Сталинградской, Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев восстановление и постройку новых жилых домов... в селах, городах и рабочих поселках, освобожденных от немецкой оккупации, с тем чтобы обеспечить размещение в пригодных для жилья помещениях колхозников, рабочих, служащих, проживающих в настоящее время в землянках и разрушенных домах...».

Комсомольцы-добровольцы

Возглавить восстановление Сталинграда поручается известному архитектору Каро Алабяну. В его письме начальнику Главного политуправления Александру Щербакову есть очень важные замечания: «На многих холмах, высотах или других уголках, среди руин города имеется несколько могил погибших героической смертью воинов Красной Армии... Надписи, сделанные карандашом в перерывах между боями, наполовину стерлись, и имена павших героев часто очень трудно установить. Исторические блиндажи на Мамаевом кургане разрушаются (их разбирают на шпалы некоторые восстановительные организации). Следовало бы в возможно кратчайший срок организовать охрану и уход за этими памятниками... Я прошу Вас дать указания местным организациям об объявлении Государственным историческим заповедником таких мест, как Мамаев курган, где сама земля, изрытая воронками и траншеями, представляет собой волнующую картину, «дома Павлова» на площади имени 9-го января, некоторые из блиндажей дивизии Родимцева и могилы павших героев, сооруженные самими бойцами».

Почти забытая страница истории — участие в возрождении Ста-

линграда выпускников школ ФЗО, в народе — «фабзайцев», подростков 13–17 лет, гордо именуемых в официальных документах той поры «молодыми рабочими».

Они ехали сюда со всей страны, чтобы дать новую жизнь знаменитым заводам. Причем многие знали заранее, что жить и трудиться им придется в тех же условиях, в которых отцы и старшие братья еще недавно воевали: окопы, землянки, полуразрушенные дома. Отличие одно: на головы больше не сыпались бомбы, не свистели отовсюду пули. Неразорвавшиеся снаряды и мины, полуистлевшие трупы врагов, сложные (очень мягко говоря) бытовые условия и скудный паек на

какое-то время стали их повседневной реальностью. Комсомольские вожаки и агитаторы оговаривали особо и загодя: приезжать желательно со своими теплыми вещами и рабочим инструментом, поскольку со всем этим в городе большой дефицит.

Секретарь Сталинградского обкома комсомола Виктор Левкин в докладной записке в ЦК ВЛКСМ 30 ноября сообщает: «В спецтресте №1 работают более 2000 молодых рабочих, до сих пор 500 чел. не обеспечены постельной принадлежностью, многие из них спят на голых досках нар... Рабочие не имеют возможности регулярно мыться в бане и стирать белье. От 200 до 250 человек по этой стройке постоянно болеют из-за простуды».

13 декабря 1943-го издается приказ Наркомата по строительству, обязующий начальников особых строительно-монтажных частей (ОСМЧ) и руководителей заводов срочно закончить ремонт общежитий для работников. В соответствии с приказом Наркомстроя (еще от 14 июня) надлежало: «провести обязательные мероприятия по санитарии (дезинфекция жилых помещений, инвентаря, постельных принадлежностей и др.), а также обеспечить возможность пользования баней каждым рабочим не реже трех раз в месяц, с обязательной сменой постельных принадлежностей в общежитиях и нательного белья. Оборудовать общежития столами, тумбочками, умывальниками, бачками для питьевой воды, изготовить корыта и тазы для стирки белья, а также организовать при общежитии красные уголки. Организовать диетическую столовую, обеспечив ее надлежащим оборудованием, столовым инвентарем, посудой и обслуживающим персоналом. В месячный срок организовать пункты приема в срочный ремонт одежды и обуви, парикмахерские и ларьки по продаже продовольственных и промышленных товаров рыночного фонда».

Пресловутые мелочи быта, если не уделять им внимания, могут превратиться в крупные государственные проблемы. И вот уже Главстройснаб отгружает в Сталинград тонны хозяйственного мыла и ваты, тысячи пар обуви и валенок, постельное белье. А еще — швейные машины для пошивочных мастерских. Сталинградский Тракторстрой беретя изготовить из имеющейся в наличии ткани тысячи комплектов верхней одежды.

ЦК Союза строителей выделяет специальный вагон для перевозки библиотеки и культинвентаря рабочим ОСМЧ. Начальникам заводов-гигантов разрешено выделять для премирования особо отличившихся комсомольско-молодежных бригад 30 тысяч рублей ежемесячно, израсходовать на улучшение культурно-бытовых условий рабочих 150 тысяч.

Сталинградский Тракторстрой вызывается провести переоборудование дома-коммуны № 605 и других жилых зданий под общежития, изготовить в собственных мастерских сотни тумбочек, табуреток, столов, ускорить организацию валки валенок, обеспечить молодежь недостающими постельными принадлежностями и спецодеждой, мылом, столовой посудой. И даже приобрести музыкальные инструменты.

Эшелон братской помощи

А вскоре о нуждах молодых рабочих Сталинграда начинает заботиться уже вся страна. Книготорговое объединение государственных издательств (КОГИЗ) присылает 20 000 экземпляров книг. Саратовский обком комсомола собирает для Сталинградской области тысячи учебников и ручек, детскую одежду, игрушки, столы, стулья, табуретки. Ивановский обком ВАКСМ отправляет эшелон стройматериалов, 100 000 книг и 300 000 единиц писчебумажных принад-

ФОТОГРАФИИ: Р. КАПА

лежностей. А также оборудование для десяти изб-читален и пяти хат-лабораторий.

В солнечном Сталинабаде (ныне — Душанбе) сверх плана производят для Сталинграда по 1000 пар мужской и легкой летней обуви, 500 — женской и 1200 — детской. Сталинабадская молодежь передает около 1 000 000 рублей. Пионеры ведомственных школ Ташкентской железной дороги собирают книги, тетради, карандаши, настольные игры в подарок сталинградским школьникам. Собранные имущество и культинвентарь входят в состав специального эшелона братской помощи. Учащиеся ремесленных училищ Магнитогорска из-

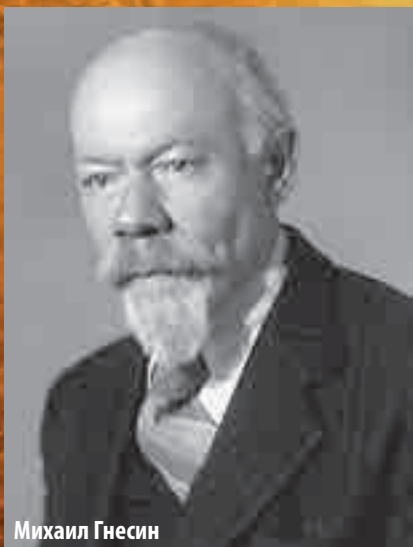
готавливают для освобожденных районов ножи, вилки и другие предметы домашнего обихода.

В 1947 году вышеупомянутым американцам показали дорогие, помпезные подарки от глав иностранных государств: символические мечи, щиты, красиво оформленные высокопарные приветствия и адреса. Джон Стейнбек, увидев все это, искренне недоумевал: «Мир наградил Сталинград фальшивой медалью, в то время как город нуждался, скажем, всего лишь в полдюжине бульдозеров». Разумеется, не только в бульдозерах нуждалась непобежденная крепость на великой реке.

Предвоенная «неправильная застройка Сталинграда привела к тому, что прекрасные берега Волги были застроены непрерывными рядами высоких домов, заслонявших всюду виды на реку и лишавших город прогулочной набережной; улицы города, направленные в сторону реки, упирались в стены этих домов, и фактически приволжский город оказался отрезанным от Волги», — это выдержки из доклада председателя Комитета по делам архитектуры Аркадия Мордвинова «Советская архитектура перед новым этапом развития», подготовленного еще в 1944-м. В данном труде известный архитектор уделит внимание и национальным традициям: «Ни один старый русский город не обходился без высотных композиций, имели их даже и большие села. По свидетельству летописцев, русские люди, создавая высотные здания храмов, восхищались «высотой, красотой и светлостью» их».

Возведение на Мамаевом кургане грандиозного, великолепного монумента Евгения Вучетича привело по большому счету к тому, что образ воительницы-защитницы стал символом не только героического города, но и всей нашей Победы, укрепил в народе священный культ Матери-Родины, русской богини на все времена.

Имена и даты

Михаил Гнесин

ФОТО: ГРИГОРИЙ ВАЙЛЬГАСС

2 февраля

135 лет со дня рождения
Михаила Гнесина

ФАМИЛЬНОЙ славой он охотно делился с родными сестрами. В культурной жизни Москвы очень ярко проявила себя дружная пятерка Гнесиных — Евгения, Елена, Мария, Ольга, Елизавета. Первые три в конце XIX века основали частную школу, положившую начало целой сети музыкальных учебных заведений, знаменитых «гнесинок». Успех семейного дела стремился приумножить всю свою жизнь и их брат Михаил.

Еще будучи семилетним, дерзнул создать первое произведение. Гораздо позже, в Петербургской консерватории, его многому обучили такие корифеи, как Римский-Корсаков, Глазунов, Лядов.

Автор почти полусотни романсов, мелодий к спектаклям и кинофильмам, трагедиям Софокла и Еврипида, Михаил Фабианович проявил себя как блестящий педагог и теоретик. Его труды — прежде всего «Начальный курс практической композиции», «Мысли и воспоминания о Римском-

Корсакове» — снискали немалый авторитет в музыкальном мире.

8 февраля

100 лет назад Советская власть
приняла декрет о переходе
на григорианский календарь

26 ЯНВАРЯ по тому еще, старому, стилю предсовнаркома Владимир Ленин подписал Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря, а уже через шесть дней граждане страны проснулись не 1 февраля, как раньше, а 14-го. Таким образом атеистическое государство еще раз де-юре оформило свое отделение от православной церкви, а де-факто «присоединилось» к другим христианским конфессиям, давно использовавшим григорианский календарь.

Как бы там ни было, Русская церковь по сей день живет по юлианскому и в соответствии с ним отмечает свои праздники. Самые большие проблемы возникли, пожалуй, у тех, кто так или иначе занимается вопросами истории. Вот, к примеру, то там, то сям биографы пишут, что Рахмани-

нов покинул Россию в декабре 1917 года, в канун Рождества, а по какому стилю — не уточняют. В итоге читатели принуждены гадать: то ли Сергей Васильевич мучительно переживал разлуку с Родиной в католический сочельник, то ли уехал из страны — согласно григорианскому календарю — в начале января 1918-го.

13 февраля

145 лет со дня рождения
Федора Шаляпина

КТО ЕСТЬ человек-легенда? Наверное, тот, о ком написано и сказано столько, что порой бывает трудно отличить правду от вымысла, реальные случаи из жизни от сочиненных post mortem «апокриффов». В одних только взаимоотношениях Шаляпина и Горького подобных загадок в избытке. К примеру, газетчики очень любят анекдот, в котором, фигурально выражаясь, судьба впервые столкнула двух гениев лбами: в 1888-м они одновременно поступали в хор Серебрякова в Казани, но вместо получившего от ворот поворот 15-летнего Федора туда приняли 20-летнего Алексея, и якобы

впоследствии артист едва ли не проклинал за собственную неудачу «долговязого парня с чудовищным окаяющим говором». В какой мере этот рассказ соответствует истине? Примерно наполовину. Или на четверть. Правда в нем то, что юного Шаляпина «забраковали» тогда по причине ломки голоса, а Пешков действительно в упомянутой труппе пел — плохо и совсем недолго.

В дальнейшем их пути будут часто пересекаться, и между ними возникнет крепкая дружба, которую они пронесут через много лет — практически до того момента, когда за рубежом увидит свет автобиографическая книга Федора Ивановича «Маска и душа». «Буревестника революции» в ней покоробит буквально все. Возможно, в первую очередь потому, что над ранними шаляпинскими мемуарами «Страницы из моей жизни» чрезвычайно вдохновенно трудился в качестве литературного негра сам Горький.

13 февраля

135 лет со дня рождения Евгения Вахтангова

ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ Михаила Чехова, этот прославленный режиссер и театральный деятель обладал глубочайшим пониманием артиста, умением «проникать в чужую душу и говорить на ее языке». Он словно «незримо становился рядом с актером и вел его за руку. Выполняя задания и замыслы Вахтангова, актер чувствовал их как свои собственные».

Когда лицедей допускал неточность, Евгений Багратионович свистел, точно Соловей-разбойник, вложив два пальца в рот.

Последний его спектакль «Принцесса Турандот» — настоящая легенда и визитная карточка вахтанговского театра... Тяжело больной режиссер спешил во что бы то ни стало закончить работу над постановкой, трудясь днем и ночью. 24 февраля 1922 года проходит финальная репетиция всей его жизни. Ему было очень плохо, он сидел в меховой шубе, обернув голову мокрым полотенцем. По-

сле заключительного прогона смертельно измученного Вахтангова отвезли на извозчике домой. Больше в театре он не появлялся...

Его метод — наше национальное достояние, и будет жить до тех пор, пока в России есть талантливые, знающие толк в классическом театральном искусстве артисты и постановщики.

14 февраля

300 лет назад Петр I лишил своего сына Алексея прав престолонаследия

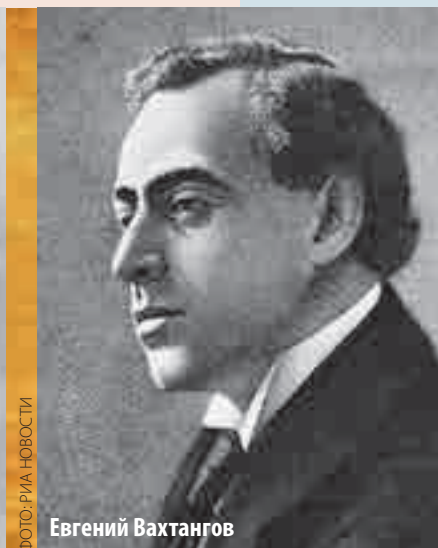
ЭТО БЫЛ предпоследний акт драмы, которая по своей суровой трагичности превосходит все шекспировские. Финальные сцены будут разыграны вскоре в одной из темниц Петропавловской крепости, где царевича ожидает мучительная смерть. Государь своего первенца не любил — возможно, прежде всего, потому, что Алексей появился на свет еще тогда, когда юному монарху было вовсе не до «семейных ценностей», ему не исполнилось и восемнадцати. Нежных отцовских чувств Петр к наследнику не питал и впредь, был с ним не в меру строг, а в 1698-м, когда сын едва достиг отроческого возраста, отправил его мать, царицу Евдокию, в монастырь. Эти и многие другие обстоятельства привели к взаимной неприязни, со стороны царя — вполне открытой, у Алексея Петровича — затаенной, замешанной на паническом страхе перед грозным и чрезвычайно требовательным батюшкой.

В 1710-е, когда Россия еще вела тяжелые войны и уже свершились многие эпохальные петровские преобразования, государь решительно настаивал на том, чтобы старший сын перенял у него все основные качества военачальника и реформатора, подготовился к будущему царствованию наилучшим образом. Вместо этого Алексей сбежал за границу. По-видимому, надеялся скрываться до тех пор, покуда отец не умрет. Беглеца хитростью и ковар-

Федор Шаляпин

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

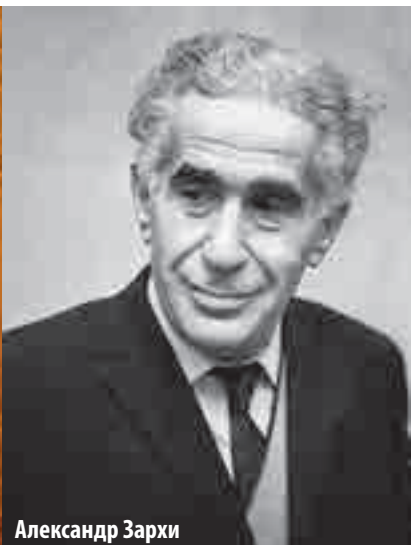
Евгений Вахтангов

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Царевич Алексей

ФОТО: ЮРИЙ ИВАНОВ / РИА НОВОСТИ

Александр Зархи

ФОТО: А. ЛЕСС ГЛАСС

Эммануил Казакевич

ФОТО: БОРИС КЛУБМАН / РИА НОВОСТИ

Борис Годунов

ством вернули на родину. А дальше его ждала всем известная, крайне печальная участь.

18 февраля

110 лет со дня рождения Александра Зархи

ИЗ ВСЕХ кинематографистов прежней эпохи, пожалуй, никто так не преуспел в деле «агитации за советскую власть», как Александр Григорьевич. Его «Депутат Балтики» и особенно «Член правительства» были настолько качественными, творчески состоятельными лентами, что, казалось, могли примирить с режимом самых недовольных.

«Вот стою я перед вами, простая русская баба, мужем битая, попами пуганная, врагами стрелянная, живучая... И подняли нас сюда, вот и меня, на эту трибуну, партия и советская наша власть. Дом ли строим, лес ли рубим, едим ли, пьем — ведь это все вторая половина дела, а первую-то половину за нас Ленин и Сталин сделали. Так будем биться за них... до самого нашего смертного часа» — выступление героини Веры Марецкой когда-то чуть ли не дословно помнили миллионы соотечественников.

А после войны он подарил зрителям недосягаемую «Высоту», картину как будто деидеологизированную, но оттого еще сильнее подчеркивающую

преимущества воспетого социального строя; замечательную экранизацию «Анны Карениной», которая в какой-то мере компенсировала вопиющие недостатки преподавания русской классики в школах.

24 февраля

105 лет со дня рождения Эммануила Казакевича

ВО ВРЕМЯ Великой Отечественной войны, он, знавший несколько языков, был направлен в разведподразделение. Группа храбрецов с участием Казакевича совершала рейды в тыл врага, добывала ценные сведения. Как это происходило, он описал в известной каждому любителю военной прозы повести «Звезда». Парадный китель Эммануила Генриховича украшали восемь боевых орденов и медалей.

Прочитав «Звезду», Александр Твардовский сказал: «На войну ушел посредственный еврейский поэт, а вернулся с нее великолепный русский прозаик».

Однажды Казакевича вытащили из постели — он болел ангиной — и привезли в серое здание, где размещался какой-то штаб. В дверях приемной ему приветливо улыбался невысокий человек с веснушками и орденскими планками. «Чрезвычайно рад. Спасибо, что выкроили время. Простите,

если оторвал от творческой деятельности. Позвольте представиться: генерал Василий Сталин». Потом в задушевной беседе хозяин кабинета долго восхищался «Весной на Одере».

27 февраля

420 лет назад Земский собор избрал на царство Бориса Годунова

ОЦЕНИВАЯ годуновское регентство при государе Федоре Иоанновиче, Василий Ключевский отмечал: «Он (Годунов) правил умно и осторожно, и четырнадцатилетнее царствование Федора было для государства временем отдыха... «Умилосердился господь, — пишет... современник, — на людей своих и даровал им благополучное время... и все православное христианство начало утешаться и жить тихо и безмятежно».

Далее тот же авторитетный историк добавил: «Борис и на престоле правил так же умно и осторожно, как прежде, стоя у престола при царе Федоре».

Принимая во внимание подобные характеристики и евангельскую истину «По плодам их узнаете их», трудно понять, почему за этим царем закрепилась в нашей истории, мягко говоря, далеко не самая положительная репутация. Его многочисленные и несомненные заслуги в управлении страной признавали даже те, кто Годунова нещадно (чаще огульно) кри-

тиковал. Установлению исторической справедливости более всего препятствует череда фатальных происшествий, которые начались вскоре после восшествия царя Бориса на трон: великий голод, появление самозванца, происки внешних и внутренних врагов. А потом наступило время Смуты... И тем не менее вопрос: «Правильно ли то, что данный самодержец остается в массовом восприятии то ли просто плохим, то ли очень плохим человеком?» — явно напрашивается.

Надо понимать, что художественная литература, даже такая безупречная, как у Пушкина, не всегда верно и точно отражает реальные исторические события. Трагедию о царе Борисе наш классик писал под влиянием трудов Карамзина. А тот в «Истории государства Российского» безапелляционно обвинил Годунова в организации убийства сына Ивана Грозного царевича Димитрия. И это при том, что весомых доказательств, подтверждающих указанное злодеяние, никем и никогда предъявлено не было.

27 февраля

75 лет назад совершил свой подвиг Александр Матросов

НАКАНУНЕ первого и последнего в его жизни сражения девятнадцатилетний солдат писал любимой девушке: «Сегодня комбат рассказал, как погиб один генерал. Если и мне суждено погибнуть, я хотел бы умереть так, как этот генерал: в бою и лицом на запад».

Шли жестокие бои в районе деревни Чернушки, что в Локнянском районе Калининской области. 2-й отдельный стрелковый батальон Сибирской добровольческой бригады имени Сталина шел в наступление. Гитлеровцы перекрывали путь пулеметными очередями из трех дзотов. Штурмовые группы красноармейцев заставили замолчать два пулемета, но третья огневая точка оставалась неприступной. Матросов пробрался к ней, бросил гранату. Огонь не прекратился. Тогда боец

бросился на амбразуру... Пал смертью храбрых, а товарищи получили несколько мгновений на то, чтобы прорваться к дзоту и выполнить боевое задание. Из кармана погибшего достали комсомольский билет. Простым карандашом написали на нем: «Лег на огневую точку противника и заглушил ее. Проявил героизм». Посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза, а 254-му гвардейскому стрелковому полку — имя Матросова. Впервые военное формирование было названо в честь рядового бойца, а не полководца (или революционера). Его навечно зачислили в списки части — первого в истории Красной Армии. Так в Советском Союзе возродилась старая русская традиция: до революции подобной почести удостоились 18 солдат, начиная с Архипа Осипова, взорвавшего себя вместе с пороховым складом во время войны на Кавказе.

28 февраля

125 лет со дня рождения Всеволода Пудовкина

ВСЕВОЛОД Илларионович — один из трех титанов раннего советского кино. Если Довженко — поэт и философ, а Эйзенштейн — структуралист и социолог, то Пудовкин — реалист и стихийный психоанали-

тик. В первом его самостоятельном фильме «Мать» роман Максима Горького — лишь повод. Вместе с драматургом Натаном Зархи режиссер броско и внятно показывает вызревание революции «в кругу семьи». Задумав поменять элемент настенных часов на очередную порцию водки, отец останавливает время. (Пудовкин сыплет метафорами.) Патриархального главу семьи пытаются оспорить жена и сын. Она — поскольку элементарно бережет домашний очаг, он — потому что закономерно сориентирован на движение и развитие. Вечно пьяный отец силится сохранить все, как есть, однако непролазная грязь перед домом наконец-то сменяется на экране яростным ледоходом: сын вырывается в новое пространство, вступает в соревнование с необузданной стихией и в этом состязании побеждает. Мать, традиционно символизирующая «почву», настолько заражается сыновним порывом, что включается в бушующий процесс и гибнет преобразенной. После столь выразительного кино неинтересны теории всемирного заговора, большевистского предательства, «красного колеса». Забыть эти лица и многозначительную семейную расстановку невозможно, оспорить закономерность произошедшего — нереально.

РИСУНОК: Т. ЖИРМУНСКАЯ

Александр Матросов

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

Всеволод Пудовкин

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Учитель среди царей

Валерий Бурт

Творчество Василия Жуковского, ярко вспыхнувшее на заре XIX столетия, продолжает волновать ценителей изящной поэзии по сей день. Будем считать, что сбилось-таки предвидение Пушкина, некогда изрекшего: «Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль». В феврале со дня рождения замечательного русского романтика исполняется 235 лет.

Жизнь и Поэзия — одно...

В одной из бесед с критиком, профессором словесности, умеренно либеральным цензором Александром Никитенко Жуковский заявил: «Слава Богу, я никогда не был литератором по профессии, а писал только потому, что писалось». Василий Андреевич брался за перо не по обязанности, а лишь в часы душевного подъема, улавливая сквозь шум и шорохи повседневности едва слышимую мелодию рифм:

К. БРЮЛЛОВ. «ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ», 1835

*Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На все земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия — одно...*

Большой любитель и знаток классической музыки, он мог часами слушать Бетховена, Моцарта, Гайдна, произведения других почитаемых им композиторов. Верно, оттого и поэмы с балладами его были столь благозвучно-напевны.

На стихи Жуковского написано немало красивых песен и романсов. Стихотворение Василия Андреевича также послужило текстом гимна Российской империи «Боже, царя храни!».

Служа нетленной красоте

«Жуковский был первым поэтом на Руси, которого поэзия вышла из жизни», — утверждал Белинский. Критик находил, что «ни одному поэту так много не обязана русская поэзия в ее историческом развитии, как Жуковскому». Высококлассных, по-настоящему искусных литераторов до него в Отечестве нашем, действительно, было немного. Он наполнил родную словесность волнующими созвучиями, жизнь в них трепещет, расцветает чувствами и образами:

*Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту*

*И разнovidное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...*

Жуковский был многим обязан стихотворцу и баснописцу Ивану Дмитриеву, называет его своим «учителем в поэзии», признавался в письме: «Ваши стихи «Размышление по случаю грома», переведенные из Гете, были первые, выученные мною наизусть... вы способствовали мне познакомиться с живыми наслаждениями поэзии».

Творчество Василия Андреевича вызывали похвалы почитателей и попреки недоброжелателей. Верно служба «нетленной красоте», он гнал прочь «музу мести и печали», чурался вольтерьянства и прочего «тираноборчества», совсем не годился на роль глашатая социальных протестов. Этот пиит был особо отмечен императором и испытывал по отношению к самодержцу неподдельную благодарность.

По натуре он был не строптивец-бунтарь, а благодушный созерцатель: «Мне рок судил: брести неведомой стезей, / Быть другом мирных сел, любить красоты природы, / Дышать под сумраком дубравной тишиной / И, взор склонив на пенны воды, / Творца, друзей, любовь и счастье воспевать».

Дорога в Зимний дворец

Жуковский был отнюдь не робкого десятка. В Отечественную войну служил в армии, в «день Бородина» находился в резерве, всего в двух верстах от места кро-

Г. ЧЕРНЫШЕВ. «БРЮЛЛОВ, ПУШКИН, ЖУКОВСКИЙ И ГНЕДИЧ В ЛЕТНЕМ САДУ», 1832

вавого боя. Напряженно вслушивался в крики воинов, свист пуль, грохот ядер и немедля обнажил клинок, как только прозвучало пение боевой трубы, зовущей в атаку.

Его перу принадлежала патриотическая ода-элегия «Певец во стане русских воинов», в которой прославляются живые и павшие герои кампании 1812 года. То произведение, напечатанное в «Вестнике Европы», заметили представители высшей знати и лично государь император. Ода проложила ему дорогу в Зимний дворец, помогла войти в окружение Александра I. Василий Андреевич по мере надобности получал у него аудиенцию, а впоследствии был назначен воспитателем и учителем наследника престола Александра Николаевича.

Служа при дворе, он остался прямым, искренним человеком, не льстил, не подхалимничал перед самодержцами. Заступался за обиженных и униженных, брошенных за решетку. Добивался возвращения из ссылки Герцена. Умолял облегчить участь ссыльных декабристов (в 1819 году он отверг предложение войти в тайное общество). Просил дать свободу крепостному Тарасу Шевченко. Заступился за Ивана Киреевского, когда запретили журнал «Европеец».хлопотал о выделении пенсии для ослепшего поэта Ивана Козлова.

«Правозащитная деятельность» вызывала недовольство Николая I. Он укорял поэта, говорил, что Жуковского «называют главою партии, защитником всех тех, кто только худ с правительством». Да и прогрессивная интеллигенция смотрела на него с известной неприязнью, награждая время от времени злыми насмешками. По Петербургу гуляла эпиграмма: «Из савана оделся он в ливрею, / На ленту променял свой миртовый венец, / Не подражая больше Грею, / С указкой втерся во дворец».

О переводчике Гёте и Вергилия

Собственных, «стопроцентно оригинальных» лирических стихов у Жуковского относительно немного. Львиную долю его творчества составляли переводы, благо иностранными языками он владел отменно. Ему по душе немецкая поэзия, исполненная мечтаний и трагических порывов, обращенная к сказкам и легендам Средневековья, устремленная туда, где властвует тайна, струится лунный свет, мелькают призраки и проскальзывают тени.

Он был уверен, что «переводчик, уступая образцу своему пальму изобретательности, должен необходимо иметь одинаковое с ним воображение, одинаковое

Ф. КРЮГЕР «ПОРТРЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА», 1833

искусство слога, одинаковую силу в уме и чувствах». Предпочитал, естественно, романтиков, ибо их лира была созвучна его собственной, сочинения близки по духу и по душе, импонировала образной и эмоциональной насыщенностью. Под его искусным пером начинали говорить по-русски Гёте, Шиллер, Гейне и другие, менее известные, германцы. Впрочем, увлекало Василия Андреевича не только немецкое творчество, он отдавал дань французам Лафонтену и Парни, британцам Грею, Голдсмиту, Скотту, Байрону, переводил Гомера, Вергилия, Фирдоуси.

«Не знаешь, как назвать его — переводчиком или оригинальным поэтом, — рассуждал Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». — Переводчик теряет собственную личность, но Жуковский показал ее больше всех наших поэтов... Каким образом сквозь личности всех поэтов пронеслась его собственная личность — это загадка, но она так и видится всем».

Николай Васильевич, безусловно, прав. Он, как никто, понимал, что русская классическая поэзия первой половины XIX века переживала, по сути, свою молодость, обретала и развивала качественно новый (понятный нам всем) язык и не могла замыкаться в себе, не заимствовать извне то, что накопила в своей сокровищнице мировая литература.

Однако звучали на сей счет и иные мнения. К примеру, писатель и критик Николай Полевой полагал, что «ни Жуковский, и никто из товарищей и последователей его не подозревали, что они пустились в океан беспредельный... Оптический обман представлял им берега вблизи. Срывая ветки в безмерном саду Гёте и Шиллера, они думали, что переносят в русскую поэзию целый сад этот».

Как бы то ни было, «в русскую поэзию целый сад этот» весьма удачно перенесли — Пушкин и Лермонтов, Вяземский и Баратынский, всенародный дедушка Крылов и царский учитель Жуковский.

Жуковский с Пушкиным дружил

Несомненная его заслуга состояла и в том, что он собственными напевами фактически пробудил дар других стихотворцев. Поэзия Жуковского сильно повлияла, например, на Фета и Тютчева. С огромным пиететом относились к нему Полонский и Некрасов. Тень основоположника русского романтизма маячила за спиной Блока, который признавался: «Первым вдохновителем моим был Жуковский».

В ряду последователей стоял, конечно же, и великий Пушкин. Василий Андреевич любил его, что называется, как сына, преклонялся перед пробуждающимся талантом. Они были на «ты», несмотря на довольно существенную разницу в годах.

Впервые их пути пересеклись еще в начале золотого столетия. 20-летний Жуковский учился в благородном пансионе при Московском университете, где свел знакомство с Карамзиным, братьями Тургеневыми и Пушкиными — Сергеем Львовичем и его братом Василием. Сыну и племяннику последних — Саше в ту пору было четыре года. Он был кудряв, взъерошен и необычайно забавен.

По-настоящему, «по-взрослому» они познакомились в 1815 году. Жуковский был уже известный стихотворец, Пушкин — лицеист, едва проявивший свой блестящий талант. «Я сделал еще приятное знакомство с нашим молодым чудотворцем Пушкиным... — читаем в письме к Петру Вяземскому. — Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу... Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который нас всех перерастет».

Вместе со старшим другом Пушкин вошел в кружок «Арзамас», где его участники всячески препарировали поэзию и соревновались в литературном мастерстве. Там из уст Александра Сергеевича прозвучали как-то раз строки из «Руслана и Людмилы». Растроганный Жуковский подарил ему свой портрет с надписью, которая позже стала хрестоматийной: «Победителю ученику от побежденного учителя».

«Учитель» восхитился сиянием пушкинского гения, но вряд ли при этом разочаровался в собственном таланте. Он напутствовал, благословлял, желал преодолеть тернии и снискать лавры. Автограф на портрете стал всего лишь лаконичным предначертанием.

Их дружба не ограничивалась общими литературными интересами. Жуковский не раз выручал Пушкина, заслонял от царского гнева, укрывал от зоркого ока шефа жандармов генерала Бенкендорфа. Василий Андреевич стремился предотвратить роковой поединок с Дантесом, умолял Александра Сергеевича вести себя осмотрительнее: «Дай мне счастье избавить тебя от безумного злодейства, и жену твою от совершенного посрамления». О дуэли на Черной речке Жуковский узнал уже тогда, когда «безумное злодейство» свершилось.

«Не говори с тоской: их нет...»

Василию Андреевичу было суждено сидеть, обливаясь слезами, у постели мучительно умиравшего «ученика», потом — провожать его в последний путь. В послании Сергею Львовичу Пушкину он с грустью и почти отчаянием писал: «Еще по привычке продолжаешь искать его, еще посреди наших разговоров как будто отзывается голос его, как будто раздается его живой

веселый смех и там, где он бывал ежедневно, ничто не переменилось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте, а он пропал и навсегда — непостижимо!»

Ему было поручено разобрать бумаги покойного — под надзором генерал-майора Леонтия Дубельта. Уходя, жандармский начальник всякий раз опечатывал сундук с рукописями и комнату, где тот находился, а ключи уносил с собой. Представлявшие для него интерес бумаги генерал укладывал в пакеты и отправлял Бенкендорфу...

Позже, размышляя над короткой и славной судьбой друга-гения, Жуковский, вероятно, не раз вспоминал собственное, написанное задолго до трагедии четверостишие:

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.*

Наверняка всплывали в памяти Василия Андреевича и другие строки, те, что посвятил ему лучший из русских поэтов:

*Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подвемлет на челе, —
Ты прав, творишь ты для немногих,
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей...*

В. ЖУКОВСКИЙ. «ПЕЙЗАЖ С ЗАМКОМ». 1839

«Пишу о природе, сам же о людях думаю»

Ольга Марьяновская

Музей «певца русской природы» Михаила Пришвина расположен в деревне Дунино под Звенигородом, в старинном доме на высоком берегу Москвы-реки, в окружении раскидистых вековых деревьев. В этом живописном уголке Подмосковья он трудился и отдыхал последние восемь лет своей долгой, чрезвычайно насыщенной историческими событиями жизни. По случаю 145-летия Михаила Михайловича предпримем поездку в этот по-своему уникальный музей, осмотрим его «говорящие» экспонаты и послушаем рассказ приветливого экскурсовода...

БУДУЩИЙ писатель-натуралист родился в купеческой семье 4 февраля 1873-го. В юности заболел идеями марксизма, за это нездоровое увлечение был арестован и осужден. Провел год в тюрьме Митава, в Курляндии. По освобождении отбыл в Германию, где получил университетское образование и профессию агронома.

К литературной деятельности новоиспеченного специалиста по сельскому хозяйству подтолкнула несчастная любовь. Самое раннее его произведение напечатали в 1907 году. Это было время окончания смуты первой русской революции, пика популярности блистательных литераторов Серебряного века и возникновения Санкт-Петербургского религиозно-философского общества, в которое Михаил Михайлович почел для себя за честь войти.

В качестве его первых рецензентов выступили Александр Блок и Алексей Ремизов, Дмитрий Философов и Зинаида Гиппиус, что само по себе весьма символично. Тогда же движимый ин-

Г. ВЕРЕЙСКИЙ. «ПОРТРЕТ МИХАИЛА ПРИШВИНА», 1948

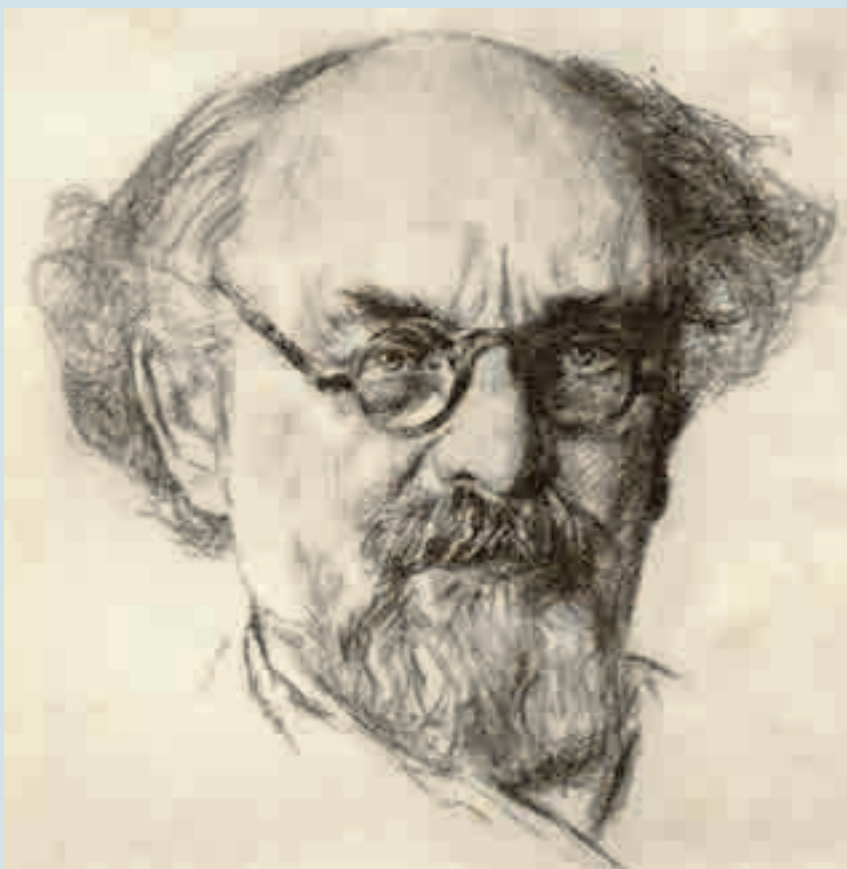

ФОТО: PHOTOPRESS

Экспонаты музея

тересом к отечественному фольклору, старым-добрым национальным традициям начинающий прозаик и журналист поучаствовал в этнографических экспедициях по Русскому Северу, записал народные сказки, подготовил собственные путевые очерки «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком». Эти все еще пробы пера очень быстро принесли ему известность. Отныне он

взял себе за правило: путешествие должно предшествовать новому произведению. Итогом пребывания в Заволжье стала книга «У стен града невидимого». Случайная встреча в поезде в 1909 году с Максимилианом Волошиным, поведавшем о своих увлекательных странствиях, произвела на Пришвина сильное впечатление, и через полгода он отправился сначала в Крым, а за-

тем в Казахстан. В результате были написаны очерки «Славны бубны», «Адам и Ева», «Черный араб».

В 1912-м Максим Горький, высоко оценивший талант этого художника слова, содействовал изданию собрания его сочинений в трех томах. В годы Первой мировой Михаил Михайлович служил военным корреспондентом.

В советский период много колесил по стране, работал как профессиональный литератор. Поездка по Выговскому краю (там велось строительство Беломорско-Балтийского канала) подсказала сочинить роман-сказку «Осударева дорога». Экспедиция на Дальний Восток вдохновила на создание повести «Женьшень».

В 1920–1940-е увидели свет самые известные пришвинские произведения: «Охотничьи были и сказы», автобиографический роман «Кашеева цепь», а также «Берендеева чаща», «Лесная капель», «Фацелия», сказка-быль «Кладовая солнца», рассказы для детей. Некогда он признавался: «Я нашел себе любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой». Тема «Человек и природа» стала в его судьбе главной. Незадолго до войны, выступая перед молодыми литераторами в подмосковной Малеевке, он, давно уже вкусивший славы, добившийся общественного признания, спокойно и мудро изрек: «Я ведь, друзья мои, пишу о природе, сам же только о людях и думаю».

Особое место в творческом наследии писателя занимают дневники, которые тот вел втайне от всех с 1905-го по 1954-й. Подробные открытия показывают все грани личности русского советского классика, отражают его полувекковые наблюдения за событиями на Родине.

Полуразрушенный деревянный дом в Дунино Михаил Пришвин приобрел в 1946 году. Отреставрировал и каждый год жил в нем с ранней весны до поздней осени. Страстный охотник и фотограф,

Вдова М. Пришвина Валерия Дмитриевна. 1972

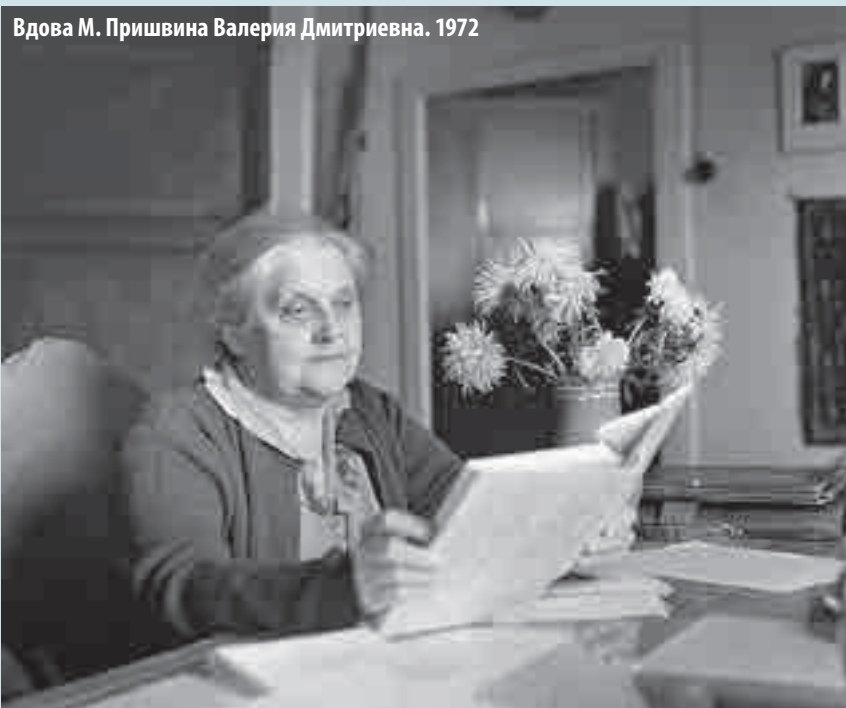

ФОТО: ЮРИЙ АРТАМОНОВ/РИА НОВОСТИ

ДОСТОЯНИЕ

менные принадлежности, пишущая машинка, очки, маленькие карандашники, записные книжки и другие нужные предметы.

Он был вовсе не кабинетным человеком, предпочитал работать в лесу, в походных условиях. Столик с фототехникой дает понять: с нею владелец умело обращался много лет. Сохранилось более тысячи отснятых им негативов. Поблизости — лежанка любимого четвероногого питомца Жальки.

Над кроватью висит его карандашный портрет, выполненный в 1948 году Георгием Верейским. Отдельная маленькая комнатка служила кабинетом хозяйке дома, тут находятся те самые тайные тетради, о которых Пришвин говорил:

он превыше всего ценил общение с природой, любил путешествовать по звенигородским окрестностям. По утрам работал на семигранной веранде, с которой открывается чудный вид на Москву-реку и заречные дали. Здесь же пил чай из небольшого тульского самовара. В доме осталось все в том же виде, что и при жизни хозяина. Самая просторная комната — столовая. Каждая вещь в ней имеет свою историю. В Великую Отечественную наступление врага было остановлено на другом берегу, а в старой усадьбе размещался советский госпиталь. Обеденный стол из простых досок в свое время изготовили раненые бойцы. Деревянные ящики, на которых можно сидеть, Пришвин заказал для рукописей — в период эвакуации, в селе Усолье под Переславлем-Залесским. Вышитая скатерть, настенный коврик, блюдо-раковина из кузнецовского фарфора — «привет» из дворянского прошлого родителей Валерии Дмитриевны, жены Михаила Михайловича. На стенах — семейные фото, снятые в Дунино в разные годы, снимок близкого друга, выдающегося физика Петра Капицы, часто приезжавшего сюда в гости.

М. Пришвин в Дунино

Обращают на себя внимание посетителей забавные детские игрушки, когда-то выполнявшие роль брелоков на ключах от дома и гаража. Из комнаты Валерии Дмитриевны попадаем в кабинет-спальню «певца русской природы» (этот титул присвоил ему Константин Паустовский). На полках видим любимые книги Пришвина, а также прижизненные издания его литературных трудов. Рядом — болотные сапоги и ягдташ. Подле окна — письменный стол, в центре которого фотография матери Пришвина, тут же — пись-

«За каждую строчку моего дневника — 10 лет расстрела». Специально для них супруга держала наготове железные ящики и паяльник, чтобы в случае опасности хранилище наглухо закрыть и закопать в саду.

После его кончины, в 1954 году, вдова по прибытии сюда обнаружила в дверях записку от благодарных читателей, приезжавших на дачу и почтивших память любимого литератора. Она вклеила послание в неисписанную рабочую тетрадь мужа (так появилась первая книга отзывов посетителей) и с тех пор прини-

ФОТО: PHOTOPRESS

Письменный стол М. Пришвина

мала здесь всех гостей, проводила для них экскурсии.

Музей возник благодаря общенародному признанию творчества Михаила Пришвина и 25 лет существовал на общественных началах. В те годы Валерия Дмитриевна работала над изданием первого по-

смертного собрания его сочинений, а также над расшифровкой и перепечаткой дневниковых записей. С 1969 года она продолжала этот труд, пользуясь помощью литературного секретаря Лилии Рязановой. Ныне Лилия Александровна заведует музеем.

Полный «Дневник» начали издавать в 1991-м, а закончили в 2017-м. Получилось восемнадцать томов. По завещанию Валерии Пришвиной в 1979-м дом стал отделом Государственного литературного музея (сейчас — Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля).

Кроме постоянной экспозиции, тут есть небольшой выставочный зал. До ноября 2018 года в нем развернута выставка «Революция — это месь за мечту», посвященная пришвинским записям о тех днях, «которые потрясли мир». В небольшом пространстве реализовано оригинальное дизайнерское решение: на стенах — цитаты, рассказы, выходящие о том, что происходило и как менялось настроение людей с февраля по октябрь 1917 года, о чем думал, какие чувства испытывал замечательный русский писатель.

ФОТО: АЛЕКСАНДР КУРГАНОВ

ФОТО: PHOTOXPRESS

Африканские страсти

Михаил Булгаков

Отечественная литература знает немало охотников самого высокого поэтического полета: Николай Некрасов, Афанасий Фет, Алексей Константинович Толстой, Лев Мей, Василий Каменский, Николай Зарудин... Николай Гумилев хотя и доводился им собратом по обеим линиям, но по причине необычности своих «охотничьих» стихов так и не вошел в ту славную и специфическую когорту. Одна из самых пламенных его страстей, увы, оказалась на периферии бесчисленных биографических исследований.

Страница поэта в «Чукоккале»

остался косоглазым. Из-за травмы и природной болезненности долго страдал и всю жизнь пытался всем доказать, что он — лучший: в любви и поэзии, на фронте и на охоте, в дружбе и ненависти.

В пятилетнем возрасте научился читать и сочинять басни, но в гимназические годы усердием не отличался, слыл лентяем, был двоичником по греческому, латинскому и немецкому языкам. Интересовали хилого школяра только география и литература, но не из школьной программы, а приключенческая: Майн

благодетворное воздействие на подростка оказала природа Кавказа. В прогулках по горам он окреп физически, к этому периоду относятся первые упоминания о его вылазках на охоту. В Тифлисе стал брать уроки рисования, еще более увлекся поэзией, и в 1902 году в «Тифлисском листке» появилось его первое опубликованное стихотворение под знаковым названием «Я в лес бежал из городов...».

В ту пору, однако, Николай так никуда и не убежал. Более того, семья с пышного Кавказа вернулась

Н. Гумилев

Рисунок Н. Гумилева

Как закалялась статья

Русская литература знает немало охотников самого высокого поэтического полета: Николай Некрасов, Афанасий Фет, Алексей Константинович Толстой, Лев Мей и многие другие. Гумилев хотя и доводился им собратом по обеим линиям, но по причине необычности своих «охотничьих» стихов так и не вошел в славную и специфическую когорту, оставшись на отшибе, в гордом одиночестве.

Родившийся в семье морского врача в Кронштадте, большую часть детства он провел в Царском Селе под Петербургом. Подвыпившая нянька однажды уронила малыша на бутылку с отбитым горлышком, и тот, сильно повредив бровь,

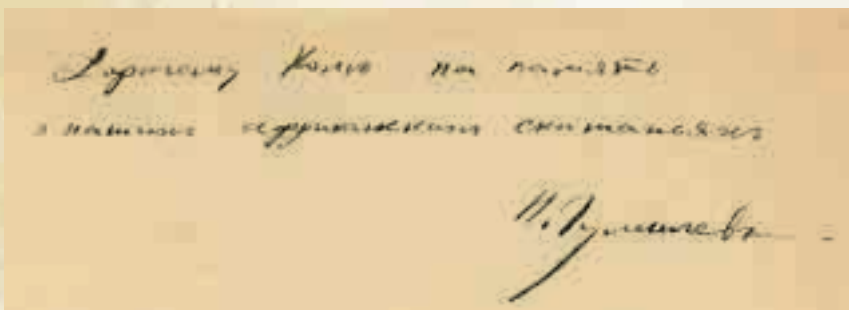
Рид, Фенимор Купер, Жюль Верн, Гюстав Эмар и Луи Буссенар. По моде тогдашнего времени в гимназии издавался рукописный литературный журнал, и Коля написал для него небольшой рассказ в стиле «Приключений Гаттераса». Особое влияние на мальчика оказали яркие рассказы отца о кругосветных плаваниях и экзотических странах, манящих и бесконечно далеких от дома в царскосельской Поповке.

Когда терпение преподавателей лопнуло, педсовет постановил оставить ученика 4-го класса на второй год. От позора спасло то, что родители, беспокоясь о здоровье сына, по рекомендации врачей в 1900-м перебрались в Тифлис. По дороге на юг, где-то под Самарой, Николая отпаивали кумысом, но еще более

в привычное и неинтересное Царское Село. Директором Николаевской гимназии был боготворимый Гумилевым поэт Иннокентий Анненский, но даже это обстоятельство не заставило засесть за учебники — учился из рук вон плохо. Сестра вспоминала, что «ему хотелось ехать в неизведанные страны, где еще не ступала нога европейца. Для этой новой цели он начал тренироваться: много плавал, нырял, стрелял без промаха, но охотиться не любил». Странная оговорка, если учесть, что охотничьи мотивы — для русского уха, правда, весьма своеобразные — в будущем зазвучат в десятках его стихотворений. Очевидно, сестрица имела традиционное представление об охоте по книгам Аксакова и Тургенева, в то

Н. Гумилев с проводниками у палатки. 1913

время как Николай вряд ли мог отличить бекаса от дупеля. Он мечтал совсем о другом.

Покоритель львов

В начале прошлого века бал в России правили символисты: Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Александр Блок, Андрей Белый, Вячеслав Иванов. Но одной только поэзии Гумилеву явно не хватало, добавилось увлечение философией Владимира Соловьева и Фридриха Ницше. Даже марксизмом овладел его пылкий ум, но пропагандистом радикального переустройства мира он оставался недолго. Новые кумиры, новые знакомства (в их числе — гимназистка Аня Горенко) так вскружили голову молодому сочинителю, что тот окончил гимназию в неприличном двадцатилетнем возрасте и тут же укатил в Париж. Какое-то время посещал лекции в Сорбонне, изучал живопись и литературу, на деньги родителей издал несколько номеров журнала «Сири-

ус» и первый сборник собственных, еще подражательных стихов «Путь конквистадоров».

В этой книге на сцену выходит мужественный завоеватель, одинокий рыцарь среди сонма королей и принцесс, невинных дев и русалок, закованных в латы мрачных всадников... Об охоте и охотниках нет ни полстрочки. Откуда же они появятся позже? А вдруг истоки будущих амбициозных устремлений, желание сразиться непременно с крупными хищниками (или причинившими ему боль людьми) надо искать не только в переживаниях мальчика с нестандартной, как сказали бы сейчас, внешностью, но и в столкновениях молодого литератора с творчески сильными мира сего?

Все началось с того, что настоячивые попытки войти в круг избранных российских поэтов закончились для него катастрофой. Ответом Бальмонта на просьбу о встрече было гробовое молчание. И

тогда недавний гимназист, нацепив для солидности цилиндр, по рекомендации отправился к Дмитрию Мережковскому и Зинаиде Гиппиус. В изысканном салоне встретил неприкрытые унижительные насмешки и в растерянности написал Брюсову, что «получил мистический ужас к знаменитостям».

Чопорный хозяин дома демонстративно поспешил удалиться, а его подруга огорошила гостя неожиданным для литературной дискуссии вопросом: «Сами-то вы о чем пишете? Ну? О козлах, что ли?» Завсегдатай салона Андрей Белый, вспоминая тот вечер, составил Гумилеву следующую характеристику: «Бледный юноша, с глазами гуся... в стриженной бобриком узкой голове, в волосиках русых, бесцветных, в едва шепелявющем голосе кто бы узнал скоро крупного мастера, опытного педагога?» Ядовитая Гиппиус перещеголяла Белого и после визита в записке тому же Брюсову отметила, что будущий «покоритель львов» имел «вид бледно-гноийный».

Через год в парижском кафе он познакомится с Алексеем (Николаевичем) Толстым, и последний, в свою очередь, запишет об этой встрече: «Он сидел прямо — длинный, деревянный, с большим носом, с надвинутым на глаза котелком. Длинные пальцы его рук лежали на набалдашнике трости. В нем было что-то павилинье: напыщенность, важность, неповоротливость. Только рот у него был совсем мальчишеский, с нежной и ласковой улыбкой».

Помня о своей юношеской робости, Гумилев с ней боролся постоянно и привнес в русскую поэзию новый «элемент мужественного романтизма» (так считают теоретики литературы, почему-то отказывая в «мужественном романтизме», например, Лермонтову). И не только в поэзию. С врожденной бледностью и тонкими холерными руками ничего поделывать было нельзя, но он заставил умолкнуть

недоброжелателей после дальних путешествий с опасными охотами, дуэли с Максимилианом Волошиным и проявленной удали на полях сражений, в том числе и на деликатном женском фронте.

Окружение молодого Гумилева было настолько далеким от охоты, что в воспоминаниях близких и знакомых можно с трудом наскрести лишь обрывки фраз, подтверждающие, что он все же стрелял из ружья — обычно на пару со старшим братом Дмитрием. Охотились в рязанском имении Березки и в Слепнево под Бежецком, иногда даже «отличались меткой стрельбой». Ничего не писал на эту тему и сам Гумилев. Вообще, известно только одно стихотворение «Охота» на русском материале, которое (как, впрочем, и африканские стихи, и пьесу «Охота на носорога») можно лишь условно назвать «охотничьим»:

*Князь вынул бич и кинул клич —
Грозу охотничьих добыч,
И белый конь, душа погонь,
Ворвался в стынущую сонь.
Удар копыт в снегу шуршит,
И зверь встает, и зверь бежит,
Но не спасись ни в глубину,
Ни в высь,
Как змеи, стрелы понеслись.
Их легкий взмах наводит страх
На неуклюжих россомах,
Грызет их медь седой медведь,
Но все же должен умереть.
И, легче птиц, склоняясь ниц,
Князь ищет четкий след лисиц.
Но вечер ал, и князь устал,
Прилег на мох и задремал...*

Стрела в солнце

Он никогда не стремился к будничному реализму. Один из его романтических манифестов замешан на любовном чувстве и выражен всего в четырех строках:

*И вам чужд тот безумный охотник,
Что, взойдя на нагую скалу,
В пьяном счастье, в тоске безотчетной
Прямо в солнце пускает стрелу.*

Настоящая охотничья страсть забурлила в нем во время африканских путешествий. Достоверно известно о четырех поездках в Египет и Абиссинию, совершенных в 1908–1913 годах. Ради этого он готов был забросить занятия в Петербургском университете, оставить горячие литературные споры и даже молодую жену, что вызывало большие пересуды. Зато его возвращение в Петербург с каждым разом становилось все долгожданнее и триумфальнее: «Гумилев привез из Африки желтую лихорадку, прекрасные стихи, чуело убитого им черного ягуара и негрское оружие» (Алексей Толстой); в ходу была шутка: «Ну, что еще нового придумал наш изысканный жираф?» (парафраз строки из стихотворения «Жираф»).

Одни восхищались удивительными стихами из его новой книги «Жемчуга», другие ревниво разглядывали невиданный в слякотном или зимнем Петербурге загар, скрывавший на время бледность поэта. Еще было множество диковинных вещей и предметов, например, слоновые бивни и бокалы из носорожьего рога. Звучали увлекательные рассказы о неведомой жизни, природе и охоте. Гумилев вдруг сделался общительным, много шутил и пользовался всеобщим вниманием. Получив внушительную инъекцию успеха, уже знал, что ему делать, когда в жизни, в семье что-то не складывается или идет наперекосяк, — надо ехать в Африку.

Сейчас мужчины в подобных обстоятельствах убегают из дома на футбол и рыбалку, а он отправлялся на другой континент, чтобы убить какого-нибудь ненавистного «дракона» в себе или в джунглях, а не в ком-то из окружающих. По одной из тогдашних легенд, довольно распространенной, во время путешествия 1910–1911 годов Гумилев якобы женился на юной чернокожей красавице и надолго задержался в ее племени, а потому и вернулся домой только через полгода. Верила ли в эту легенду его законная жена и доверял ли Николай Степанович ей самой, если та в его отсутствие умчалась в Париж позировать художнику Модильяни? Он не был богат, его «имущество» составляли поэзия и необычная жизнь с ее правдой и легендами.

Справедливости ради надо сказать, что к своей охотничьей славе стихотворец относился не без иронии: в отделе рукописей бывшей «Ленинки» хранится автограф плана его выступления в редакции журнала «Аполлон» с шутовым названием «1910 год в Абиссинии, или Трогательные и занимательные приключения русского поэта — охотника на африканских гиен».

Даже сегодняшнее сафари далеко не всегда доставляет его участнику одни лишь удовольствия, но сто лет назад...

*Восемь дней от Харрара я вел караван
Сквозь Черчерские дикие горы
И седых на деревьях стрелял обезьян,
Засыпал среди корней сикоморы.*

Это — поэзия. Но есть и гумилевская проза о жизни и буднях белого охотника в черной Африке: «Вчера сделал двенадцать часов (70 километров) на муле, сегодня мне предстоит ехать еще восемь часов (50 километров), чтобы найти леопардов... Сегодня ночью мне предстоит спать на воздухе, если вообще придется спать, потому что леопарды показываются обыкновенно ночью. Здесь есть и львы, и слоны, но они редки... и надо надеяться на свое счастье, чтобы найти их» (из письма Михаилу Кузмину).

Вопреки представлению о Гумилеве как беспечном слугителе муз, обитающем на поэтической «Башне» (название литературного салона Вячеслава Иванова),

он был вполне прагматичным человеком. Легкомысленному стихотворцу никто бы не поручил руководство экспедицией Академии наук, когда весной 1913-го он в очередной и последний раз отправился в Африку для пополнения коллекций Этнографического музея. Кроме того, родственники, зная о тяготах и опасностях длительного путешествия, не побоялись доверить ему 17-летнего племянника. Экспедиционные сборы заняли целый месяц, Гумилев составлял план путешествия, лично приобретал палатки, охотничьи ружья, седла и вьюки, оформлял все необходимые документы. От музея путешественникам выдали 600 рублей и серьезный арсенал из пяти боевых винтовок и 1000 патронов. Известно также, что еще более значительные средства на экспедицию затратил сам Николай Степанович (деньги выделила мать), рассчитывая после поездки возместить их стоимостью различных этнографических и охотничьих трофеев.

Вернувшись, среди прочих впечатлений, зафиксированных на бумаге, он оставил путевой очерк «Африканская охота», куда вошли зарисовки событий сразу нескольких поездок. Правда, там почему-то не упомянуты охоты на слонов и черную пантеру. Слоны и львы в Абиссинии уже в то время были немногочисленны («как у нас лоси» — писал Гумилев Кузмину), а вот в отношении черной пантеры (ее огромное чучело с оскаленной пастью стояло в гостиной царскосельского дома) в работах биографов существует неразбериха. Дело в том, что сей хищник в Африке не водится, обитает в Юго-Восточной Азии. Все современники поэта над данным фактом не задумывались и считали черную пантеру африканским трофеем, хотя Гумилев, очевидно, просто купил готовое чучело. Сам он об этом не распространялся, а, стараясь произвести эффект, громко декламировал гостям:

*А ушедший в ночные пещеры
Или к заводи тихой реки,
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки...*

Зимой, в свободное от литературного зуда время, поэт любил прогуливаться по Петербургу в знаменитой леопардовой шубе нараспашку (даже в мороз) и с неперменной папиросой в зубах. Экзотический наряд останавливал прохожих и производил на них незабываемое впечатление. Гумилев же, стараясь еще более усилить эффект, нарочно дефилировал не по тротуару в толпе, а по мостовой. Его сестра, осведомленная об охотничьих тайнах брата, позже рассказывала, что шуба была сшита из шкур двух леопардов: одного убил Николай, а второго — туземцы. Как бы то ни было, весь Петербург знал, что в диковинной пятнистой шубе ходит поэт и «охотник на львов» Гумилев. Были и те, кто считал подобную одежду вызывающей, а ее владельца — чудачком и хвастуном с дурным вкусом. Его это

ничуть не задевало, он торжествовал: мальчишеские грезы стали явью. И любил Африку еще сильнее, чем в детстве.

Друзьям на удивление, врагам — на зависть

В 1914-м передал рукопись «Африканской охоты» в журнал «Нива», где из-за войны та была напечатана в виде приложения спустя два года. И только в 1987 году этот очерк отыскался в другой, более полной версии, которую стали считать канонической, хотя название, скорее, подходит для первого варианта.

Африканские приключения нашли свое отражение не только в прозе, но и в обобщенной поэтической форме, например, в поэме «Мик». Несмотря на эпический замах и явное подражание киплингскому «Маугли», произведение о судьбе африканского мальчика наполнено автобиографическими деталями и переживаниями автора:

*Он взял ружье и вышел в лес,
На пальму высохшую влез
И ждал. Он знал, что здесь пройдет
На водопой лесной народ,
А у него мечта одна —
Убить огромного слона;
Особенно когда клыки
И тяжелы, и велики.*

Поэма насыщена охотничьими сценами, ее текст буквально кишит настоящими и мифическими животными, как будто Гумилев, не встретив их в джунглях и пустынях, решил собрать всю африканскую живность и нечисть на книжных страницах. Зачем? Ответ:

*И словно ожил темный лес
Ордой страшилищ и чудес;
Неслись из дальней стороны
Освирепелые слоны,
Открыв травой набитый рот,
Скакал, как лошадь, бегемот,
И зверь, чудовищный на взгляд,
С кошачьей мордой, а рогат —
За ними. Я мечтаю таю,
Что я его еще убью
И к удивлению друзей,
Врагам на зависть, принесу
В зоологический музей
Его пустынную красу.*

Мало того, что он удивлял слушателей и читателей обликом экзотического зверья, так еще и пугал собственными перевоплощениями: «Я — попугай с Антильских островов», «Превращен внезапно в ягуара, я сгорал от бешеных желаний», «И я в родне гиппопотама: одет в броню моих святых, иду торжественно и прямо, без страха посреди пустынь». Все-таки победил свои детские страхи Гумилев...

Верхом на жирафе

В какие только закоулки его души и творчества не заглянули дотошные исследователи: «Эволюция отношения лирического героя к смерти», «Лингвистическая передача и поэтическая функция», «Лейтмотивная закодированность», «Межтекстовый синтез», — в десятках литературоведческих работ с подобными названиями он и все его тексты расчленены на атомы. Еще есть вполне серьезное и смелое эссе «Мотивы змеборчества в поэзии Н. Гумилева». Но даже в этом ряду чтива «не для всех» особняком стоит ученый трактат Дарьи Соколовой «Поэтическая фауна Н.С. Гумилева». Можно только догадываться, какое количество читателей обрела упомянутая работа, зато она помогает ответить на вопрос: а был ли Николай Степанович охотником в общепринятом смысле, любил ли это занятие?

Да, любил, «но странную любовью». Во всем его литературном наследии нет ни единого упоминания обычных для всякого русского охотника глухарей, тетеревов, рябчиков и вальдшнепов. Не встречаются совсем уж заурядные для того времени куропатки и перепелки. Даже о главной добыче охотников всех времен и народов — утках — ни разу не вспомнил за письменным столом!

Охотник в нем жил самый что ни на есть корневой, атавистический. Но не тот, что тешит свои страстишки и самолюбие стрельбой по уткам и зайцам, а первобытный добытчик, вернее, охотник-воин, решающий в поединке с грозным хищником вопрос о жизни и смерти. Эта некогда обычная разновидность мужской страсти в последние века чаще всего проявлялась во время войны. У охотников подобного склада цель обязательно должна возбуждать дух борьбы, соперничества за право быть сильнейшим, и для Гумилева различие между боем и бойней было принципиальным.

Его творчество включает в себя 18 стихотворений и поэм, в названиях которых фигурируют животные сплошь из Африки. Если медведей и волков он упоминал лишь эпизодически, то лев — излюбленный им зверь — грозно рычит в двадцати произведениях. Даже своего сына Гумилев восторженно назвал Львом. Подобное же чувство вызывал в нем орел, чей полет он окрестил «царственным». Но лев — главное, и совсем не случайно стихотворец приобрел славу не просто африканского путешественника, а именно «охотника на львов», хотя царя зверей он в Африке видел и стрелял по нему единственный раз. Убить льва, а еще и слона мечтал страстно, но выпал жребий победить их только на бумаге.

Популярность Гумилева-путешественника и охотника, открывшего Черный континент для русской поэзии, была такова, что зубоскалил даже меланхоличный Блок: «Гумилев перешел в африканское гражданство», а Николай Лернер сочинил целое послание

«Русско-эфиопскому поэту». Хрестоматийное «Не ходите, дети, в Африку гулять» Корней Чуковский написал, наслушавшись гумилевских рассказов об ужасных акулах, львах и крокодилах. Существует смешной «рыцарский» шарж Николая Радлова, на котором Гумилев изображен в образе Дон Кихота с копьем, но... верхом на жирафе, в звериной шкуре и с веселым львом на веревочке-поводке вместо собаки.

Дороже и войны, и Африки

Молва об охотничьих «подвигах» сыграла неожиданную роль в его судьбе. В молодости, когда он был освидетельствован на предмет исполнения воинской повинности, его признали «совершенно неспособным» и освободили «навсегда от службы». С началом войны в 1914-м Николай Степанович, кося глазами мимо медицинской комиссии, сумел доказать врачам, что он прекрасный стрелок, и отправился на фронт, где был зачислен не абы кем и куда, а охотником (была такая должность в царской армии, связанная с разведкой позиций противника) в лейб-гвардии Уланский полк. Вот когда пригодились охотничьи навыки и конная подготовка, занятиями которой он изнурял себя в молодые годы.

Гумилев воевал достойно, но прошло сколько-то времени, и в одном из писем он обронил, что искусство для него «дороже и войны, и Африки». И все же именно на фронте доброволец-кавалерист одержал важную личную победу, заслужив два Георгиевских креста и окончательно расквитавшись с по-настоящему художочными скептиками из литературных и прочих салонов.

Среди произведений этого периода выделяется шумерский эпос «Гильгамеш», переводом которого литератор увлекся еще до начала войны. Необычность первоисточника в том, что это едва ли не самое древнее литературное произведение, дошедшее до наших дней. Некоторые исследователи датируют его невообразимым XXII веком до нашей эры. Главная философия многопланового эпоса заключается в борьбе добра и зла, во враждебном столкновении цивилизации и природы — самое подходящее для Гумилева мировосприятие. Вдобавок к этому сюжет раскручивается с рассказа о бедах ловчего и об отвернувшейся от него охотничьей удаче, — возможно, из-за этого обстоятельство поэт и заинтересовался «Гильгамешем».

Тема охоты ушла из его творчества с приходом революции. Правду о последних днях, часах и мгновениях жизни Гумилева мы никогда не узнаем. Но как же хочется верить, что мужество не оставило его до самого конца. Что он, словно Пьер Безухов, плененный французами, вспомнил о своей вечной душе и презрительно посмотрел смерти в лицо:

*Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть...*

Личность в квадрате

Ксения Вортынцева

Казимир Малевич вошел в историю прежде всего как автор «Черного квадрата» — картины-манифеста, пощечины общественному вкусу, декларации заката традиционного искусства. Немногим известно, что подобные эксперименты были лишь одним из этапов творчества художника. Умелый мистификатор лепил собственный образ: менял даты произведений, выдумывал небылицы, предъявляя миру новатора-супрематиста. В тени оставались другие ипостаси — Малевич-реалист и Малевич-импрессионист. В феврале со дня рождения «великого сказочника» исполняется 140 лет.

В ПРОЧЕМ, круглая дата может быть поставлена под вопрос. Традиционно считается, что Малевич появился на свет 23 (11 — ст. ст.) февраля 1878-го. Однако в некоторых источниках значится 1879 год. И все же большинство исследователей отдадут предпочтение первому варианту. В биографии художника немало белых пятен. Прекрасный организатор, легко сходящийся с другими людьми, он был достаточно скрытен. Автобиографические записи еще больше запутывают читателей. В текстах обнаруживается стремление подогнать собственную жизнь под четкую схему, показать, что пройден прямой и логичный путь — от импрессиониста до супрематиста и что именно французские мастера натолкнули на мысль отказаться от предметности, реалистичности. Этой теории, однако, противоречат отдельные факты, реконструированные учеными.

«АВТОПОРТРЕТ», 1910–1911

«ЦВЕТУЩИЕ ЯБЛОНИ», Окл. 1930

Его встреча с искусством состоялась довольно поздно. В семье не было ни одного художника. Старший в многодетной семье Казик не знал, что значит рисовать. Позже он вспоминал об одном из первых

столкновений с «настоящей» картиной: однажды разглядывал витрины и «в окнах увидел холст, на котором было очень вкусно намазано изображение девушки, сидящей на лавке за чистой картошки».

Безымянная работа оставила неизгладимое впечатление: «Через некоторое время я начал чернилами красить гору на бумаге, но все формы сливались, и получалось пятно, ничего не изображающее».

Казимир сам делал краски — из глины и разных порошков, копировал картинки из журнала «Нива». Пытался достичь похожести, реалистичности.

Постепенно окрепло желание заниматься живописью. А вот еще одно из детских воспоминаний: в Белополье, где жила семья Малевичей, приехали иконописцы из Петербурга. Казика и его деревенского приятеля это «сильно взволновало, ибо... еще никогда не видали живых художников». Мальчишки выслеживали гостей, старались подсмотреть, как те работают.

Глава семейства, по профессии — сахаровар, желал, чтобы отпрыск пошел по его стопам: «Отец говорил... что жизнь художников плоха, и большая часть их сидит в тюрьмах, чего он и не хотел для своего сына». Под давлением родителя Казимир выбрал учебу на агронома. А когда решил заочно поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ), Малевич-старший просто-напросто не отправил туда документы, объяснив юноше: мол, нет мест.

Иначе относилась к искусству мать. Именно она подарила ему настоящие краски — 54 цвета. Имевшая художественные задатки Людвиг Малевич оказалась ангелом-хранителем не только для собственного ребенка, но и для соседского мальчика Коли, которому купила скрипку. Тот, любивший музыку, рос в очень бедной семье и сам не смог бы приобрести инструмент. Впоследствии Николай Рославец стал известным дирижером и композитором.

В 1896 году семья Малевичей переехала в Курск. Молодой Казимир вел скучную жизнь чертежника Управления железной дороги. Параллельно продолжал занимать-

РУССКИЙ АВАНГАРД

ся живописью. Сложился небольшой круг единомышленников. Выписали гипсовые головы из Московского художественного училища, нашли пособия. По выходным спешили на пленэр. В тот период Казимир был страстным поклонником передвижников, обожал творчество Ильи Репина, Ивана Шишкина, писал в реалистической манере. Впрочем, среди ранних работ обнаруживаются этюды, выполненные в духе импрессионизма: к курским произведениям относят обычно те, что были приобретены коллекционером Георгием Костаки у родного брата живописца — Мечислава; это небольшие натурные вещи, часто совсем ученические.

Малевич мечтал перебраться в Москву, где кипела культурная жизнь. После смерти отца он почувствовал себя свободным. И хотя к тому времени у него самого были жена и ребенок, Казимир внезапно оставил родных и уехал в Белокаменную поступать в МУЖВЗ. Об этом впоследствии иронично писал: «Друзья были встревожены моим смелым шагом, но зато их жены были чрезвычайно довольны».

Неприступные бастионы училища штурмовал четыре года подряд, с 1904-го по 1907-й, но так и не смог добиться цели. Вел нищую жизнь в Москве, жил в художественной коммуны (аналоге французского «Улья»), посещал школу-студию Федора Рерберга. Собственные мытарства описывал так: «Вся моя база через два-три месяца треснула, и я попал как кур во щи, совершенно неприспособленный к жизни большого города. Но я не унывал и работал, изучал искусство, ходил в студию».

Рерберг являлся учредителем Московского товарищества художников. В выставках содружества помимо прочих участвовали Михаил Врубель и Виктор Борисов-Мусатов. В ту пору Малевич увлекся символизмом, хотя в дальнейшем этот факт тщательно скрывал. Каким-то чудом он, молодой и безвестный, получил заказ на серию литографий к скандальному спектаклю «Анатэма» по пьесе Леонида Андреева. Возможно, столь интересное предложение поступило при содействии преподавателя студии Сергея Голоушева. Символические мотивы обнаруживаются во многих произведениях, созданных Казимиром Севериновичем в те годы, например, в цикле «Эскиз фресковой живописи» (1907). В подобном ключе написаны «Отдых. Общество в цилиндрах» (1908), «Городок» (1910). Им свойственны орнаментальность, характерная для модерна, декоративность и плоскостность. На Московский салон 1911 года Малевич представил три серии, которые затем не показывал, словно желая забыть о «позорном» символистском увлечении.

Последующие два десятилетия его жизни хорошо известны: разрыв с фигуративом и утверждение супрематизма. Сам он излагал свою позицию следующим образом: «Когда исчезнет привычка сознания видеть в картинах изображение уголков природы, мадонн и бесстыдных венер, тогда только увидим чисто живописное

«АВТОПОРТРЕТ», 1910

«ОТДЫХ. ОБЩЕСТВО В ЦИЛИНДРАХ», 1908

«БУЛЬВАР», ОК. 1930

произведение... Я преобразился в нуле форм и выловил себя из омута дряни Академического искусства».

И еще: «Я уничтожил кольцо — горизонта, и вышел из круга вещей, с кольца горизонта, в котором заключены художник и формы природы. Это проклятое кольцо, открывая все новое и новое, уводит художника от цели к гибели. И только трусливое сознание и скудность творческих сил в художнике поддаются обману и устанавливают свое искусство на формах природы, боясь лишиться фундамента, на котором основал свое искусство дикарь и академия».

Уход в супрематизм дался не просто: «Жутко... было расстаться с миром образным... в котором жил и который воспроизводил и принимал за действительность бытия. Но чувство легкости тянуло... и довело до полной пустыни».

На рубеже 1920–1930-х он вновь вернулся к фигуративному искусству. Этот резкий перелом до сих пор является одной из главных загадок его творчества. В 1929 году Третьяковская галерея подготовила большую персональную выставку Малевича. На ней были представлены импрессионистские вещи — не только этюды, но и картины со сложной композицией. Они датировались серединой 1900-х, 1903-м или 1904-м, то есть годами, предшествовавшими его появлению в Москве. Вплоть до конца XX столетия время создания не ставилось под сомнение. Первые серьезные возражения прозвучали из уст американской исследовательницы Шарлотты Дуглас. Ее поддержали и русские коллеги. В раннем творчестве Казимир демонстрировал незрелость, в том числе в плане техники. Хорошие и продуманные вещи вряд ли могли быть написаны начинающим художником. К тому же автор с подобным уровнем профессионализма легко бы поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. А если учесть, что на экспозиции в Берлине, организованной в

«СЕСТРЫ». 1930

1927-м, он показал крайне мало импрессионистских работ, получается, что по какой-то причине прибегнул к мистификации: поставил на новых картинах более раннюю дату.

Зачем это было нужно? На сей счет существуют различные гипотезы. Согласно одной из них, Малевич оценивал выставку в Третьяковке как своеобразный отчет за 30 лет, хотел продемонстрировать, что начинал именно с импрессионизма, и увлечение живописными эффектами освободило его от власти предмета, привело в нефигуративное искусство. А также стремился доказать: в Москву прибыл уже сложившийся мастер, а разрозненные ранние этюды для этого решительно не годились.

Другая точка зрения — «прагматическая»: Малевичу надо было кормить семью, продавать картины музеям; близкие по времени написания вещи в тот момент никого не интересовали, а вот работы начала века приобретались охотно. Как бы то ни было, импрессионизм он искренне любил и в своих воспоминаниях это отметил: «Я наткнулся на этюдах на вон из ряда выходящее явление в моем живописном восприятии природы. Передо мною среди деревьев стоял заново беленный мелом дом, был солнечный день, небо кобальтовое, с одной сто-

роны дома была тень, с другой — солнце. Я впервые увидел светлые рефлексы голубого неба, чистые прозрачные тона. С тех пор я начал работать светлую живопись, радостную, солнечную».

В 1930-е Малевич вернулся к реализму. Этот шаг многие не поняли и не приняли. Мастера обвинили в капитуляции, конформизме. Что же двигало им на самом деле? Похоже, его интерес к реалистическому искусству был вполне естественным: когда-то любовался в музеях на произведения Шишкина и Репина, в советский период приятельствовал с соцреалистом Исааком Бродским, написал знаменитые портреты-стилизации, изобразив себя и жену в духе итальянского Возрождения. Казимир Северинович желал показать, что он много шире установленных, в том числе им самим, рамок. Возможно, в обращении к фигуративу присутствовал и ностальгический мотив. Живописец, несмотря на общительность и обаяние, похоже, крайне нуждался в диалоге с молодыми авторами и, как отмечает писательница Ксения Букша, с молодым собой. Поэтому не исключено, что прав оказался художник Николай Тырса, посетивший мастерскую после смерти Малевича. Увидев картины, тот воскликнул: «Как он был одинок!»

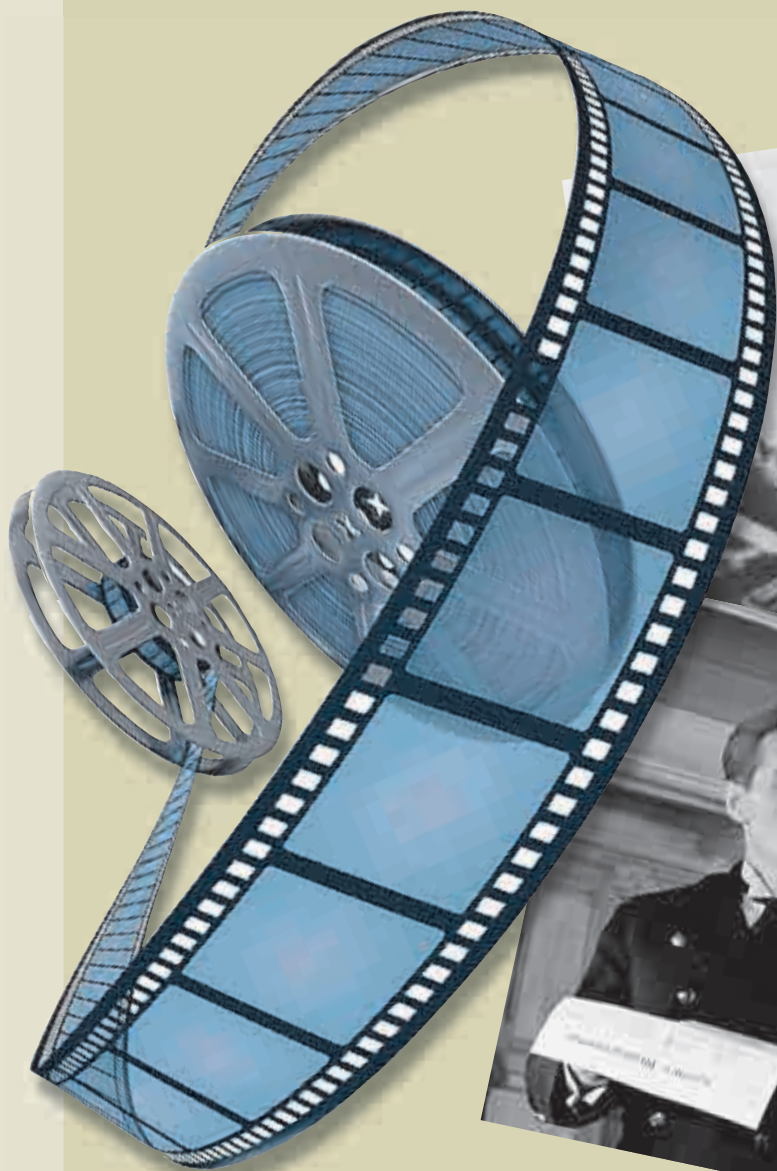
Стоп-кадр

Мгновения Славы

Николай Ирин

Вот уже много десятилетий этот артист притягивает соотечественников не столько магнетической силой красоты, внутренней и внешней, — вкупе с несомненным, сполна реализованным на профессиональном поприще талантом, — сколько тем, что мы называем сродством душ, что связывает нас с ним крепчайшими эмоциональными и психологическими узлами. Со дня рождения Вячеслава Тихонова 8 февраля исполняется 90 лет.

«Война и мир». 1966–1968

ФОТО: ИТАР-ТАСС

«Мичман Панин». 1960

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ парижский критик Андре Базен, разбираясь со спецификой кинозвезды, объяснял: бытование подобного человека в реальности со временем приобретает для зрителя большую ценность, нежели иллюзорное существование сыгранных им героев. Француз отметил, что образ и легенду такой актер носит в себе самом и разнообразие исполненных ролей никого не должно вводить в заблуждение, ибо «в постоянном обновлении приключений персонажа мы бессознательно ищем подтверждения глубокому и основополагающему единству его судьбы».

Довольно долгий срок как будто ничто не предвещало того, что

Вячеслав Тихонов за рамками кинематографической образности станет интересен гигантской стране с богатейшей культурой, что, дистанцируясь от экранного небожителя, практически каждый гражданин Советского Союза будет ощущать нечто вроде «Штирлиц — как мы, Штирлиц — один из нас».

Тихонов родился в Павловском Посаде в семье механика ткацкой фабрики и детсадовской воспитательницы. Слава отучился в ремесленном училище на токаря, работал по специальности на оборонном заводе, вечерами бегал с приятелями в кино — на «Чапаева», «Александра Невского», персонально — на Михаила Жарова с Петром Алейниковым. Легко

представить: прежде скромный, непритязательный подросток на глазах превращается в красавца-молдца и прочувствованно заявляет о твердом намерении быть как Бабочкин и Алейников. Откуда это? Соблазнился экранным волшебством?

Во всех воспоминаниях Вячеслава Васильевича о детстве и юности непременно отмечается противодействие, которое родители оказывали внезапному желанию сына пойти в артисты. Намеяние юноши ближайшая родня встретила в штыки, предполагая, видимо, что быть инженером, агрономом, на худой конец техно-

«Доживем до понедельника». 1968

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: Н.СОРОКИН/РИА НОВОСТИ

логом гораздо вернее, надежнее. Тихонов вспоминал: «Стон начался дома: «Да они там все пьют!» — такова закономерная реакция простых русских людей, которые в середине 40-х все еще не могут вообразить для себя и своих отпрысков иной участи, кроме той, что обязывает напряженно, в поту, с мозолями на ладонях, не разгибая спин, добывать хлеб насущный.

К моменту профессионального самоопределения Вячеслава больше четверти века идет в СССР активная, даже агрессивная трансляция идеи «Кто был никем, тот станет всем», исправно работают социальные лифты, но отец с матерью все равно чего-то боялись, не уважая и всячески блокируя эмоциональные порывы отпрыска, из добрых побуждений прививая ему стиль плебейской неуверенности в своих силах и возможностях.

И все-таки осознать эту коллизию — значит понять психический строй Тихонова ровно наполовину. В душе ученика токаря возгорелась мечта — стать принцем, и не суть важно, что она ему вроде как

не по чину, а любящие и любимые родные люди настойчиво от нее отговаривают. Присмотритесь к перманентно сдержанной манере артиста: удаленность от собственных эмоций, бессознательная боязнь их культивировать — не последствие ли это «родовой травмы»? Парадоксально, но великий актер изначально не стремился покорить оригинальным артистизмом. В своей первой звездной картине «Дело было в Пенькове», едва требуется придать особую живость поведению, он «включает Петра Алейникова», которого внешне напоминал и от которого разительно отличался интуитивной склонностью к интеллигентному контролю над собой.

В «Оптимистической трагедии», играя морячка-анархиста — ему Вожак поручает возглавить коллективное насилие над женщиной-комиссаром, — свою знаменитую, в известном смысле коронную реплику «Давайте, товарищ, женимся» произносит настолько пресно, что последующая жесткая реакция комиссарши выглядит даже чрезмерной.

Природа щедро одарила его и внешней привлекательностью, и внутренним благородством. Но опека, продвигать будущего корифея берутся лишь те, кто способен эти качества по достоинству оценить и обладает в своем кругу авторитетом. Первая в списке — родная бабушка, взявшаяся повлиять на родителей, убедить тех не ломать эмоционального юношу через колено, не чинить ему препятствий на пути в киноинститут. Второй — профессор ВГИКа Борис Бибииков. Тот, по легенде, увидел в коридорах рыдающего не зачисленного абитуриента, смилостивился, прослушал повторно и таки зачислил на свой курс. После успешного дебюта в «Молодой гвардии» (пусть и в эпизодической роли) следуют девять лет предельно скромного существования, едва ли не прозябания. По словам советского специалиста по физиогномике Веры Кузнецовой, «профессионализм типажных актеров сводится к умению демонстрировать на экране красоту, обаяние, внешнее своеобразие. Внешность превращается в главный фактор, определяющий

«Белый Бим Черное Ухо». 1977

ФОТО: В. КОВАЛЬСКИЙ/РИА НОВОСТИ

«Они сражались за Родину». 1975

экранную судьбу таких актеров. Она измеряется модой на лица. К сожалению, кино нередко обрекает на подобное внешностное существование и талантливых, ярких актеров, которым не удается освободиться от навязанного им типажного образа».

Даже постановщик фильма «Дело было в Пенькове», а впоследствии ближайший друг Вячеслава Васильевича Станислав Ростоцкий, впервые увидев его, будто бы воскликнул: «Слава, я сделаю из тебя Жерара Филипа!» То есть сопоставил с выдающимся французом по одним лишь внешним данным и подверстал к типажному направлению, определив вдобавок на заведомо неблагоприятную роль «копии».

Тихонов невыносимо долго находился в плену ложных, слишком поверхностных ожиданий окружающей его среды, и, пожалуй, ничто не предвещало беспрецедентного триумфа.

В истории с ролью Андрея Болконского также все складывалось и обидно, и драматично. Экранизация «Войны и мира» — дело го-

сударственной важности. Сергею Бондарчуку предоставлены неограниченные возможности. Историческая эпопея уже в запуске, а лучшие, по мнению режиссера, кандидаты на роль князя по разным причинам отпали.

Вроде бы не ставится под сомнение то, что решающее слово при назначении Вячеслава Васильевича сказала влиятельная Екатерина Фурцева. Тогдашний министр культуры, она в критический момент настояла на его кандидатуре. А что — благородная внешность, стать, порода положительно наливаются... Бондарчуку в Тихонове определенно чего-то не хватало, и он, мыслящий изнутри процесса, остался недоволен таким выбором, однако же в данной ситуации зависел от контролирующего грандиозный проект государства.

Что переживал в эти четыре года актер, представить себе и легко, и жутковато. В период эпохальных съемок у него нет того безупречного реноме, которое требовалось, чтобы уверенно, с полным на то правом воплощать ключевую фигуру Русского мира. Он отказыва-

ется от всех предложений, лихорадочно читает, непрестанно ищет, терзается, чувствуя неудовлетворенность, а то и явное недовольство постановщика. Да, красив и статен, да, ему отменно идет форма, но нечто (может, как раз негласное родовое предписание «мы плебеи») мешает свободно ощущать себя в шкуре аристократа.

Несколькими годами ранее в «Двух жизнях» он играл князя Нащекина. Но та картина была, скорее, социальной агиткой. Здесь же требовалось явить публике заветного героя самого Льва Толстого. Реакция критиков недвусмысленна: «Не Андрей, не Толстой, упрощение». А ведь и в самом деле получается: всего-навсего «типаж» (да еще и по подсказке высшего начальства) погрузился в глубь психологической бездны. Тихонов не в кризисе — в отчаянии. Замышляет покончить с актерской карьерой. С тоской переваривает все случившееся с ним за минувшие десятилетия. Возможно, мысленно соглашается с давнишним приговором не в меру заботливых родителей. Но тут случилось то,

СТОП-КАДР

что в духовно-мистическом контексте понимают под смертью-воскрешением. Умирает специалист по типажным превращениям — рождается превосходный артист общенационального уровня.

В картине «Доживем до понедельника» перед нами предстает не только учитель Илья Семенович Мельников, но, если присмотреться, еще и будущий Штирлиц. Ростоцкий уговорил любимого исполнителя попробовать в последний раз, и Тихонов наконец находит подлинного себя. И свою родовую травму «несоответствия», и собственные рефлексии по поводу нехватки внутреннего объема передоверяет экранному герою — нашему современнику, интеллигенту, осуществляющему историческую связь времен. При чем срабатывает даже пресловутый типажный эффект «моды на лица». Но теперь как результат — не влечение простака-зрителя к сугубо внешней красоте, а внезапно возникшая тяга обустроившего быт и создавшего новый уклад горожанина к погружению

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«На семи ветрах». 1962

«Дело было в Пенькове». 1958

в себя, к самоисследованию. В том же ряду оказывается потребность в молчании, которую незадолго до перерождения Тихонова выразительно сформулировал поэт: «Тишины хочу, тишины... Нервы, что ли, обожжены?» Актер идеально отвечает на поступивший заказ и становится тем самым заветным исполнителем, с которым начинают мыслить и чувствовать в унисон десятки миллионов.

В этом фильме, а потом еще в «Семнадцати мгновениях» Тихонов совершил, по сути, культурную революцию — показал человека, осознанно и безжалостно расстающегося с претензиями на фантазирование, юродствование, с внушенными комплексами относительно «недостаточно благородного» происхождения. Герой видит свою миссию не в поклонении химерам, а в служении тому, что реально наличествует: Родине, подрастающему поколению, еще не обремененному ложным сознанием, воинскому уставу, Ставке Верховного главнокомандования.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Семнадцать мгновений весны». 1973

«Утомленные солнцем». 1994

«Сочинение ко Дню Победы». 1998

Трезво оценить расстановку сил, понять и принять самое себя во всем, включая имманентные риски катастрофических неудач, провалов — значит увеличить собственную силу и перед лицом врага, и в противодействии с кишащими в подсознании соблазнами.

В перестроечной и постсоветской действительности Вячеславу Васильевичу многое претило именно потому, что под видом духовного поиска и процесса всеобщей реабилитации зачастую протаскивались и проталкивались фата-морганы нечетко мыслящих социальных групп и субъектов. Его Мельников, процитировав Ба-

ратынского, выдыхает: «Как просто сказано. Как спокойно. И — навсегда», — это квинтэссенция тихоновского метода.

В «Семнадцати мгновениях» актер совершает мало активных действий (вроде убийства провокатора). Львиную долю экранного времени предъясняет свою прежнюю типажную выразительность, однако подкрепленную на сей раз очевидной для всех личностной состоятельностью. Он дерзнул положить исключительно на себя и обязуется не обмануть доверия тех, кто от него зависит. Олицетворяет, таким образом, идеальное общественное устройство. По-

тому и возникла феноменальная, неотменимая всенародная любовь к задумчивому красавцу, облаченному во вражескую военную форму: за этим образом угадываются и трагическая история великой России, и миллионы представителей самых разных поколений. Он будто бы дает понять: все будет хорошо, враг будет разбит, победа будет за нами.

Вторая жена в свое время сильно ревновала Тихонова, даже обговаривала условия предстоявших ему любовных сцен. Неудивительно, ведь в 1967-м она выходила замуж за просто красивого мужчину и артиста средней руки, а он за несколько лет превратился в глубочайшего актера, любимца всей страны. Это глубина иного рода, нежели, допустим, у гениального Иннокентия Смоктуновского (постоянного соперника на актерских пробах, будь то образ Болконского или роль Штирлица), предъяснявшего прорву индивидуальной психики в комплекте с уникальным аппаратом по производству фантазий. Тихонов демонстрирует качества коллективного национального тела: терпеливое приятие сущего, стоицизм в мире притворства и стремительно меняющихся этических стандартов. Он все-то молчит и курит у Ростоцкого или Лиозновой, а его внутреннее противостояние хаосу в этот момент удерживает мир от распада и гибели.

Психотип Тихонова — рыцарь. Или монах. Или рыцарствующий монах, чья невидимая окружающим работа убедительнее зубодробительных подвигов. «Вы просто ушли в себя и развели там пессимизм», — упрекает его героя явно рассчитывающая на мужскую благосклонность коллега («Доживем до понедельника»).

Не пессимизм, не меланхолия, а служение в духе «делай, что должно, и будь, что будет». Выбрал стезю — соответствуй, размечтался об идеале — тянись к нему.

Ретроспектива

ФОТО: ОЛЕГ ДВЯЧЕНКО/ТАСС

Профессор С. Капица
у себя на даче. 2008

Уважаемый редактор, может, лучше про реактор?

Андрей Самохин

Минималистичный логотип на синем фоне — эта немудреная графика с конца зимы 1973-го каждое воскресенье предвляла появление на экране единственного и неповторимого ведущего. А затем миллионы советских зрителей всех возрастов и профессий приобщались к достижениям науки, славным страницам ее прошлого, поражающим воображение загадкам и открытиям. Программа стала не только вехой отечественного телевидения, но и смысловым маркером нескольких поколений. В феврале отмечается двойная дата: 90 лет назад родился Сергей Капица, а сорока пятью годами позже по центральному телевидению впервые показали «Очевидное — невероятное».

ФОТО: НАУМ ГРАНОВСКИЙ/РИА НОВОСТИ

На строительстве БАМа. 1976

ФОТО: АНАТОЛИЙ МОРКОВКИН/ТАСС

С сотрудниками Института физических проблем АН СССР, 1985

Капица-младший выступил и как оператор, и как соавтор закадрового текста. Вторая рекомендация поступила из отдела пропаганды ЦК. Название телепрограммы придумали всей редакцией кинопрограмм, которую возглавляла Жанна Фомина. Сперва это были научно-популярные ленты с короткими предисловиями. Затем «Очевидное — невероятное» приобрело свой классический вид: беседы с учеными (иногда с артистами), умело разбавленные небольшими видеоиллюстрациями. Рейтингов тогда не определяли, мерилом популярности служили мешки писем со всей страны.

В отличие от простых телезрителей ученая братия поначалу отнеслась к программе со скепсисом, распространяя его и на личность ведущего. Известный физик Лев Арцимович честно предупредил: «Знаешь, Сергей, если ты займешься этим делом, то положишь крест на академической карьере». Так и вышло — Капицу-младшего академики в свои ряды не избрали. Без пиетета относился к его телевизионной деятельности и прославленный отец. На слова одной журналистки «У вас такой знаменитый сын!» — недовольно проворчал: «Это я знаменитый, а он просто известный». Впрочем, демонстративное «отторжение» со стороны научного бомонда не помешало его представителям выстроиться в очередь на участие в «Очевидном...» — многие уже осознали практическую пользу от просветительства вообще и личной популярности в частности.

Бригада, работавшая с Капицей, вспоминает: он умел разговорить всякого гостя, схватывал на лету любые идеи визави. Просто и доходчиво объяснял сложные вещи, прибавляя свое неизменное

Наследник всех своих родных

В родословной этого образцового русского интеллигента помимо знаменитого отца, нобелевского лауреата Петра Капицы, есть выдающийся кораблестроитель, математик, академик, дедушка по материнской линии Алексей Крылов, а также двоюродный дед, известный французский биохимик Виктор Анри. Даже крестный у него был не абы кто, а великий физиолог Иван Павлов. Но не только родственник «базис» способствовал его успехам и профессиональному становлению. Автор 14 патентов,

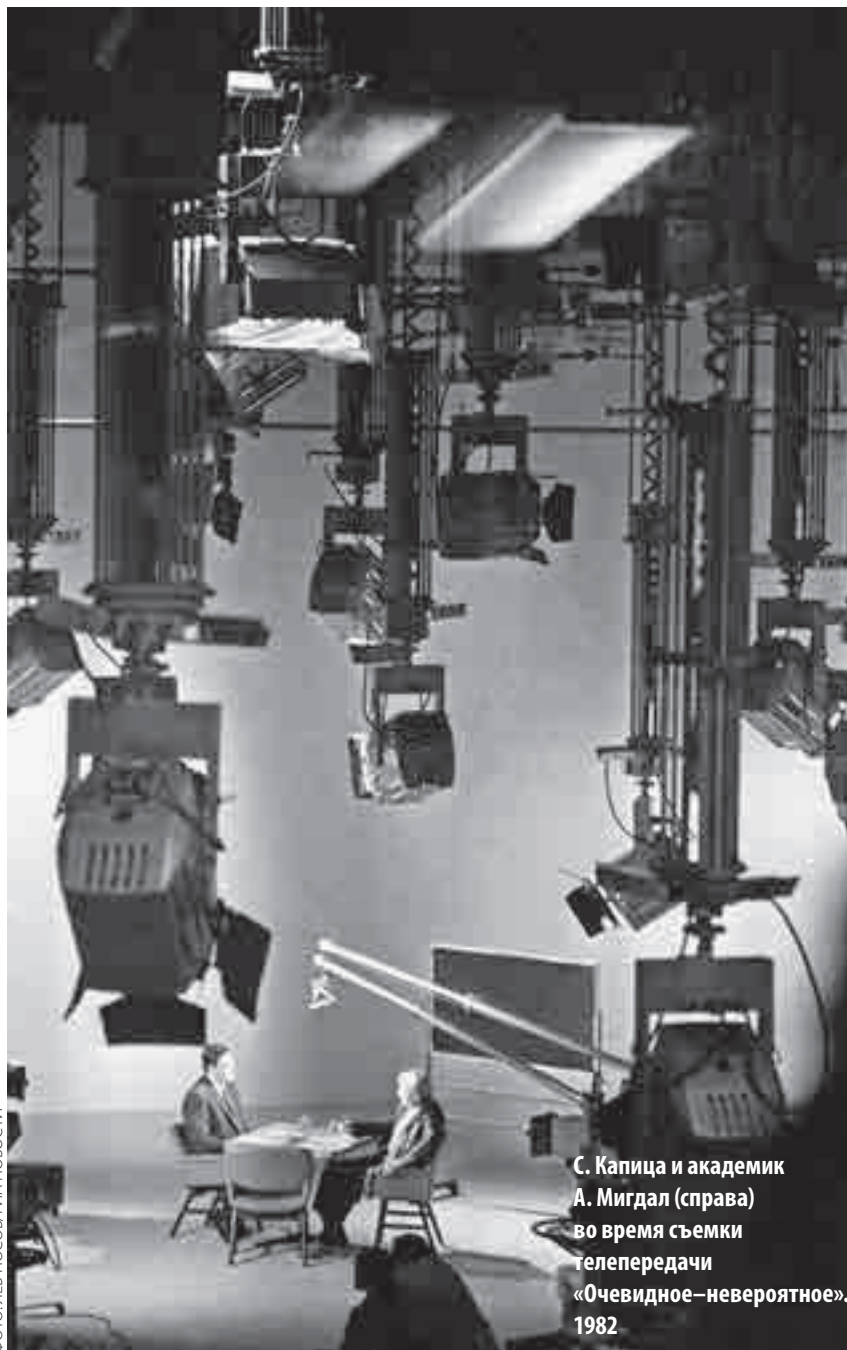
сотен монографий и статей, изданных во многих странах мира, по темам сверхзвуковой аэродинамики, земного магнетизма, ускорителей частиц, прикладной электродинамики, синхротронного излучения, ядерной физики, теории образования, демографии, — Сергей Капица не снискал себе авторитета крупного ученого в конкретных областях, однако на долгое время сумел стать живым символом науки как таковой. На телевидение его кандидатуру предложил создатель и первый ведущий «Клуба кинопутешествий» Владимир Шнейдеров. Вместе они работали на съемках фильма про подводный мир, где

«понимаете». Собственный текст заранее не готовил, помощью суфлера не пользовался. Импровизировал, причем так, что вписывался в отведенный хронометраж до секунды. Передача шла в запись, однако монтаж был «линейный» — переставлять и обрезать фрагменты речи оказывалось проблематично, а порой и невозможно. Его кредо было: «Наше главное действующее лицо — личность, человек, а уж потом ученый». При этом, если разговор уходил в сторону от главной темы, мог оборвать беседу, задав неожиданный, а то и «провокационный» вопрос.

«Про бессилие науки перед тайною Бермуд»

Локальный скандал произошел во время знаменитого выпуска 13 ноября 1976 года — про Бермудский треугольник. Капица не терпел околонуточных фантазий, оккультной мистики и с большой неохотой согласился говорить (по многочисленным просьбам зрителей) на модную тогда тему. На съемке, после первых же реплик приглашенного, Капица завелся и чересчур агрессивно атаковал контраргументами. Тот злополучный сюжет благодаря песне Владимира Высоцкого получил поистине всенародную славу: «Говорил, ломая руки, краснобай и баламут про бессилие науки перед тайною Бермуд...» Кстати, Владимир Семенович на одном из концертов специально пояснил, что его сарказм был адресован не Капице, с ним бард дружил.

Другой выпуск, ставший сенсацией (в 1977-м), содержал спор двух экономистов: директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Николая Иноземцева и американца русского происхождения, нобелевского лауреата Василия Леонтьева. Дискутировали о плюсах и минусах планового хозяйства и рынка. К возмущению одних телезрителей и радостному удивлению других,

С. Капица и академик А. Мигдал (справа) во время съемки телепередачи «Очевидное — невероятное». 1982

ФОТО: ЛЕВ НОСОВ/РИА НОВОСТИ

неслыханный по своей открытости диалог одобрил всесильный председатель Госкомитета по радио и телевидению Сергей Лапин.

В «Очевидном — невероятном», по воспоминаниям заместителя главного редактора Студии кинопрограмм Ирины Железовой, «опробовались все технические ТВ-новинки, например, двусторонняя связь с бортом космического корабля, первый телемост».

В 1979-м Сергей Петрович получил Премию Калинги (ЮНЕСКО) за популяризацию науки, а через год творцы самой востребованной телевизионной просветительской программы были удостоены Госпремии СССР. За 39 лет существования в эфир вышло почти 700 выпусков «Очевидного — невероятного», а Капица попал в Книгу рекордов Гиннеса как «долгожитель»-телеведущий.

В восьмидесятые, особенно с началом горбачевских «реформ», передача все больше «сваливалась» в публицистику: встречи с членами Пагуошского движения ученых, международные мосты, политизированные беседы с видными «перестройщиками». Проект терял привлекательность.

От телевидения к демографии

Когда рухнула советская власть, обогащение любой ценой стало главной целью для многих телевизионщиков. Как грибы после дождя, полезли всюду экстрасенсы, колдуны, астрологи. На «симбиоз» шарлатанства с популяризацией науки пошел, увы, и многолетний редактор «Очевидного...», тогда уже ведущий программы «Под знаком п» Лев Николаев. Но Капица на это не согласился и уехал на год в Кембридж, где вплотную приступил к своему второму после физики научному увлечению — демографии. Для многих это стало неожиданностью, тем более — когда прозвучали первые умозаключения автора: никакой угрозы перенаселения планеты нет. Подобные идеи шли вразрез с теориями «золотого миллиарда», выросшими в том числе из трудов Римского клуба, в котором состоял и сам Капица. Журналисты окрестили его «русским анти-Мальтусом». Для многих профессиональных демографов тезисы, выраженные им, к примеру, в книге «Общая теория роста населения Земли» до сих пор кажутся слишком сложными, так как базируются на методах матанализа. Капицу считают одним из создателей междисциплинарной науки клиодинамики, занимающейся математическим моделированием социально-исторических процессов.

Что же касается восприятия российского общества, то здесь он испытал жестокое потрясение и крах некоторых иллюзий. Разделяя под занавес перестройки и в

ФОТО: ВЛАДИМИР ВЯТКИН/РИА НОВОСТИ

С премией ТЭФИ «За личный вклад в развитие российского телевидения». 2008

начале 1990-х либеральные взгляды, на рубеже тысячелетий Капица увидел их горькие плоды. Особенно — в науке и образовании. В 2004 году на заседании правительства приглашенный туда Капица неожиданно выступил с шоковым

За 39 лет существования в эфир вышло почти 700 выпусков «Очевидного — невероятного», а Капица попал в Книгу рекордов Гиннеса как «долгожитель»-телеведущий

для властей заявлением, которое после старались не афишировать: «Данные ВЦИОМ говорят о том, что мы, наконец, пришли к тому, к чему стремились все эти 15 лет, — воспитали страну идиотов. Если Россия и дальше будет двигаться этим же курсом, то еще лет через десять не останется и тех, кто сегодня хотя бы изредка берет в руки книгу... Если вы и дальше будете продолжать такую политику, то получите страну дураков. Вам будет проще этой страной править, у нее будет легче высасывать природ-

ные богатства, но будущего у такой страны нет».

К концу жизни Сергей Петрович переосмыслил многое, о чем говорят разбросанные по его интервью горькие размышления: «С моей точки зрения, происходит распад сознания общества»; «Жить так, как мы сейчас живем, без веры в будущее, когда кратковременные интересы перекрывают более далекие и существенные задачи общества, нельзя. Такое общество будет просто вытеснено другими».

А вот — о том общественном институте, которому он отдал большую часть жизни: «Телевидение занимается разложением сознания людей. На мой взгляд, это преступная организация, подчиненная антиобщественным интересам. С экрана идет лишь один призыв: «Обогащайтесь любыми способами — воровством, насилием, обманом!»... Разве мы могли бы выиграть Великую Отечественную войну с таким телевидением?!» Он все чаще с ностальгией вспоминал научную, просветительскую и культурную политику, проводившуюся в СССР. При этом как человек разумный понимал невозможность возврата в прошлое, но с тревогой предупреждал современников: «Культуру надо насаждать! Даже силой... Иначе нас всех ждет крах».

При царе горохе

Максим Сырников

Горох — один из самых традиционных и популярных русских продуктов.

ЧЕГО только в старину не готовили из гороха: похлебки, каши, пироги, кисель, гороховый сыр, — великое множество разнообразных блюд. И даже консервов. Еще в конце XIX столетия ими снабжали наших солдат для дальних походов специально отобранные поставщики. К примеру, в перечне общества «Народное продовольствие» в первых строках значатся «суп гороховый с говядиной» и «похлебка гороховая с говядиной». Зимой и весной можно сварить скоромную похлебку из сушеного гороха, сытную и вкусную.

Какие зерна брать для нее, цельные или колотые, не суть важно. Главное, чтобы они были чистыми, гладкими, без червоточин. Колотые быстрее развариваются, только и всего.

Гороховый суп

- * Ветчина
(лучше домашняя — с косточкой) 0,5 кг
- * Горох сухой — 1 стакан
- * Вода — 6 тарелок
- * Корень петрушки или сельдерея
- * Тмин
- * Соль
- * Укроп

По одной:

- * Репка
- * Морковь
- * Луковица

Горох следует перебрать, промыть и замочить на несколько часов в холодной воде. Вода должна покрывать его с верхом.

Кладем набухший горох, ветчину и нарезанные ломтиками овощи и коренья в горшок, заливаем водой и доводим до кипения. Далее тоже все очень просто: снять пену, уменьшить огонь и варить при небольшом кипении 2,5–3 часа. За полчаса до готовности посолить и добавить растертый в ступке тмин.

Перед подачей посыпать укропом. Можно подать и с сухариками, пшеничными или ржаными.

К. МАГЛЕВИЧ. «РЕКА В ЛЕСУ». 1908

Свое

ФЕВРАЛЬ 2018

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барщины